

Алексей
Лухминский

Шапка Мономаха

Алексей Лухминский

Шапка Мономаха

«Геликон Плюс»

2016

УДК 833.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)44

Лухминский А. Г.

Шапка Мономаха / А. Г. Лухминский — «Геликон Плюс», 2016

ISBN 978-5-00098-025-5

Стремление к независимости от окружающих, которое порой принимается за свободу, толкает нас к беззаботному прожиганию отмерянной жизни. Но наступает момент, когда мы неожиданно кого-то впускаем в своё сердце и начинаем жить заботами этого человека, ощущая на себе ответственность за его судьбу. И эта приятная зависимость приходит к нам вместе с любовью...

УДК 833.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)44

ISBN 978-5-00098-025-5

© Лухминский А. Г., 2016
© Геликон Плюс, 2016

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Алексей Лухминский

Шапка Мономаха

© Лухминский А., текст, 2016

© Геликон Плюс, оформление, 2016

* * *

Часть 1

Максик

Несмотря на большое количество свободных мест в вагоне, я решил не садиться, чтобы, случайно заснув от утомления, ненароком не проспять свою станцию. Конечно, спать можно и стоя, у меня это уже отработано, но при вертикальном положении тела всё-таки больше уверенности в том, что не проспичь. И вот теперь, повиснув на поручне вагона раннего метро, возвращаясь домой после очередной романтической ночи, проведённой в уже давно знакомой квартире, ощущая такую приятную истому во всём несколько уставшем теле, я тем не менее пытаюсь сосредоточенно думать о смысле своей уже почти тридцатилетней жизни. Нет, всё-таки утомила меня моя пассия! Ника, а вернее – Вероника, конечно, очень знойная женщина. Возможно, она действительно – «мечта поэта», да только я совсем не поэт и порой после очередного её приглашающего звонка чувствую себя мальчиком по вызову. Наши отношения длятся уже полгода с интенсивностью, зависящей от длительности командировок её благоверного, который, будучи каким-то большим чиновником, больше времени проводит в Москве, чем в Питере. А вот сегодня он должен снова вернуться дневным «Сапаном», и мне пришлось раньше покинуть уютное теплое гнёздышко, чтобы заботливая жена, тщательно убрав все следы нашей страсти, могла привести квартиру в порядок и подготовиться к встрече любимого супруга.

А с другой стороны – ну и что, что мальчик по вызову! Должен отметить, что Ника для своего возраста выглядит просто прекрасно. Естественно! Ведь из всяких спа-салонов, похоже, вылезает лишь для того, чтобы встретиться со мной, грешным. Да и её конституция весьма способствует сохранению форм. Узкая кость... Ни грамма лишнего! Надо сказать, меня это в ней возбуждает. А она даже мне какие-то подарки дарит. То зажигалку дорогую, то телефон, а тут подарила рубашку с галстуком... Только зачем мне рубашка? С джинсами и кроссовками она явно не монтируется.

С Никой мы познакомились, когда я в качестве сборщика мебели приехал к ней в шикарные четырёхкомнатные апартаменты собрать привезённый накануне спальный гарнитур. Предметов было много, моя работа затянулась, и хозяйка, которая, несмотря на тщательно скрываемый ею возраст, приглянулась мне сразу, любезно пригласила выпить с ней кофе. К кофе был добавлен хороший французский коньяк, потекла беседа, а потом я поймал её весьма заинтересованный взгляд, последствием которого стала опытная эксплуатация только что собранной кровати. Наверно, это весна на нас тогда так повлияла... С этой кровати мы встали уже совсем близкими людьми. Ещё не одевшись, Ника буквально впилась в мои губы и прошептала, что я оправдал её ожидания. Достаточно нагло для разницы в положении и возрасте я ответил, что и она соответствует моим запросам. С этого всё и началось. Да не только началось, но сразу же и продолжилось, причём аж до следующего вечера. Расстались мы тогда очень довольные друг другом.

Уф... Спать хочется. Каким бы я был на работе, если бы не суббота сегодня.

– Простите, молодой человек, вы на следующей выходите?

Господи... А что там объявили? Какая там следующая?

– Извините, а какая будет следующая?

– «Петроградская».

– Нет, мне дальше, – и сторонюсь, пропуская к двери пожилую женщину.

Вот они, остатки Ленинграда... «Простите», «Извините»... Мама мне про это рассказывала. Сейчас так уже не принято. Считается, что это лишние сопли. Сейчас все с кайлом наперевес – и к выходу! А там уж как повезёт!

Ника... Конечно же, я – мальчик по вызову! Молодой, борзый... Бабы её типа таких любят. Что это для них? Желание вскочить на площадку уходящего трамвая? Ей ведь уже что-то к сорока, да и сынок у нее есть девятнадцати лет от роду. Она поведала, что они с мужем, которому он только пасынок, год назад сообразили ему однокомнатную квартиру! Повезло парню... А я вот после развода и размена родительского жилья оказался в коммуналке, где и проживаю уже тоже год. И хорошо, что вообще остался с жильём, а не пришлось снимать... Ведь после того как моя бывшая застала меня со своей подружкой, рухнуло всё. Мои родители активно и жёстко её поддержали. Они у меня всегда были строгих нравов и мои загулы даже до свадьбы терпели с трудом. А тут вообще... И как меня занесло на этот очередной подвиг? Ну что же сделать, если с «младых ногтей» у меня развилось стремление побеждать на этом самом любовном фронте! Короче, в результате сокрушительного семейного скандала – размен нашей огромной квартиры в центре Питера на три части. Теперь мать с отцом в Озерках, моей бывшей с нашей дочкой купили однушку на Гражданке, а меня, как особо провинившегося, засунули в моё нынешнее пристанище на Кронверкском проспекте. Ныне если я кого-то приглашаю к себе, то заранее знаю, что у моих соседок на коммунальной кухне появится очередная тема для обсуждения: кого это он опять привёл. Что ж, каждый ищет себе развлечение по своему интеллекту. М-да... Смешно... Сам-то я понял, о чём подумал? Значит, если у моих соседок развлечухой является обсуждение моих знакомств, то у меня – бабы. Вот и весь мой интеллект, сосредоточенный в конкретном месте. Что же делать! Ну люблю я это занятие!..

– Станция «Горьковская»! – провозгласили динамики в вагоне.

Чёрт! Всё-таки стоя задремал! Прорываюсь к выходу совсем не по-ленинградски.

По полутёмному коридору своей коммуналкидвигаюсь к своей комнате.

– Доброе утро, Макс! – с улыбочкой здоровается Светка, одна из моих соседок, по пути в ванную, многозначительно поглядывая на моё слегка несвежее лицо. – Надеюсь, оно у тебя сегодня действительно доброе?

– Да уж, не могу пожаловаться, – я весело соглашаюсь и демонстративно имитирую потягивание. – Совсем утомлённый сегодня!

Светка, наверно, моя ровесница и на внешность, надо сказать, весьма привлекательна. Как выяснилось, в эту квартиру попала незадолго до меня и тоже после развода. Мало общаясь со своими соседями, я понятия не имею, чем она занимается, но за собой следит и одевается с пониманием. Мы с ней с первой встречи обмениваемся многообещающими взглядами, но и только.

– Приятно видеть удовлетворённого мужчину... – выпевает она.

– А уж самому-то мужчине как приятно быть удовлетворённым! – поддерживаю я её посыл и начинаю щелкать замком своей двери.

Хорошо, что душ принял у Ники, а то пришлось бы опять занимать очередь в ванную, тем более из-за повышенной утренней загрузки мытьё по утрам в нашей квартире совсем не приветствуется.

Старый диван мне достался от предыдущих владельцев. Последний раз он был разложен, видимо, давно, и такое состояние с некоторых пор ему нравится куда больше, чем сложенное, поскольку возвращаться в таковое он просто не собирается. Меня это вполне устраивает: не надо каждый раз корячиться, убирая в ящик подушку и одеяло, а потом их же оттуда доставая. При таком раскладе постель можно только застилать покрывалом и потом, когда приходят мои гости, достаточно его только сбросить...

Уф... Вот я и в горизонтальном положении... Всё! После напряжённой и честной работы я заслуживаю благостного отдыха. Только вот, едва лёг, сон улетучился...

Ника вчера, когда я к ней пришёл прямо после работы, глядя на мой чемодан с инструментами, спросила, сколько я ещё собираюсь заниматься сборкой мебели. Интересно, почему

она задала такой вопрос? За всё время нашего знакомства мы с ней не очень-то обменивались сведениями о своей жизни и вообще мало разговаривали на такие темы, касаясь их лишь слегка.

Конечно, я бы не стал заниматься таким ремеслом, если бы не жизненные обстоятельства. После окончания школы, ощутив себя человеком, освободившимся от сетей среднего образования, я бросился на поиски приключений. Тянул с родителей деньги на всякие значные заведения и оттягивался по полной программе. В результате мои бесконечные любовные похождения им надоели, и при первом же начавшемся призыве я с жёсткими напутствиями отца о необходимости браться за ум был отправлен в армию. Вернувшись через год, уступил уговорам родителей и пошёл в Политех на экономический факультет, на этот раз нырнув в сети получения уже высшего образования. В семье почему-то посчитали, что именно специальность такого направления даст мне в будущем кусок хлеба и положение. Помучившись сам и помучив своих преподавателей, я кое-как закончил учёбу и стал экономистом. Вернее, эта специальность прописана в моём дипломе. А кому сейчас нужны экономисты? Их везде – как собак нерезаных. Хотя при чём тут собаки? Несчастные животные! Как только их люди не поминают! И обзываются «собакой», и они «нерезанные», и им «семь вёрст не крюк», и из дома их «хороший хозяин не выгонит»... Пожалуй, по упоминанию в разных крылатых выражениях с собакой может сравниться разве только свинья. Той, бедняге, тоже достаётся.

А на вопрос Ники пришлось ответить шуткой, что всё, мол, зависит от поступающих предложений. Я ей как-то говорил, кем являюсь по образованию, поэтому должна понимать всю сложность моего положения.

Ну ладно! Теперь спать, спать и спать!

* * *

– Знаешь, Максик... – мы с Никой, слегка одетые, сидим в креслах у журнального столика, стоящего подле кровати. – Я тут подумала о тебе...

Ничего себе! Баба подумала... Это что-то новенькое.

– Ты привлёк меня тем, что ты такой... свежий, сильный. Это, конечно, не удивительно, ведь ты много моложе меня, но знаешь, как приятно порой почувствовать себя слабой женщиной... – Ника говорит это задумчиво, вертя в руке рюмку с коньяком. – Но чувствую я себя с тобой такой только в постели. Согласись, что мужчина должен быть хоть чуть-чуть солидным и достаточно обеспеченным и приезжать ко мне не на метро, а на своей машине. И вообще, я хочу освободить твоё тело от хорошего костюма, а не от старых джинсов.

– Ты во мне разочаровалась?

Кажется, в моём голосе прозвучало беспокойство. Скорее всего, это действительно так, ведь я уже привык к этой женщине! Испытываю к ней совершенно искреннюю привязанность. Даже самому странно!

– Ну что ты, милый! – она вскакивает и переселяется ко мне на колени. – Я ни-ким образом в тебе не разочаровалась... – Ох-х... Какие всё-таки у неё просто умопомрачительные поцелуи! – Только я уверена, что тебе надо менять род своих занятий. Ты же экономист с высшим образованием!

– То есть ты хочешь попросить мужа куда-нибудь устроить своего любовника, чтобы он стал важным и обеспеченным?

От такой мысли мне становится весело.

– Тьфу! Сказал тоже... – она шутливо шлёпает меня по губам. – Ты, Максик, видно, до сих пор так ничегошеньки и не понял. Считаешь меня просто мужней женой? Ошибаешься! Я – деловая женщина. Все те спа-салоны и прочее, что я посещаю, – это всё моё! Да и не только это. Я – хозяйка! У меня целая сеть таких заведений. И живу я на свои деньги, не прося мужа

ни о чём. А теперь, с его командировками, порой вообще не знаю, зачем он мне нужен. Разве что для положения в обществе. И почему, в таком случае, я не могу пристроить своего любимого мужчину в свою же фирму?

Это всё говорится легко, шутливым тоном, и поэтому пока непонятно, как относиться к таким словам.

– Массажист или парикмахер из меня никакой, – на всякий случай фыркаю я.

– Отвали! – она снова перебирается в своё кресло. – Я придумала. Ты идёшь учиться на бухгалтера, потом возглавишь бухгалтерию в одном из моих предприятий, а дальше будет видно.

– Ты это что, серьёзно?

От решительности, с которой она это сказала, у меня реально отвисает челюсть. Ну и ну... Я – бухгалтер... Мне в страшном сне такое не могло присниться.

Глядя на мою обалдевшую рожу, Ника довольно смеётся.

– Ты не волнуйся, Максик. Затраты на твоё обучение я оплачу, и курсы будут – супер! Помощницу тебе дам... Ну и в жалованье ты обижен не будешь.

– Даже так?

В ответ на мой сомнительно-вопросительный взгляд она называет цифру, услышав которую и машинально сглотнув, я понимаю: это может решить все мои сомнения в её пользу. Хотя где-то я слышал, что большие деньги бухгалтеру порой платят лишь за то, что потом он будет отсиживать за хозяйские преступления. Становится тревожно.

– А потом ты из меня сделаешь козла отпущения?

– Дурашка! У меня всё, ну или почти всё, по-белому. Мне скандалы с судами не нужны. И вообще, как ты мог про меня такое подумать?

Это сказано с такой укоризной, что мне сначала становится стыдно от своего недоверия, но потом накатывает следующая мысль: «А кому вообще сейчас можно верить?» И в это время Ника совершает на меня новую атаку, в результате которой мы снова оказываемся на её кровати, а там, понятное дело, уже не до умных мыслей.

– Ну что? Ты согласен с моим предложением? – сонно спрашивает она, когда мы уже отдыхаем. – Конечно, ты можешь оставить всё как есть, но я в первую очередь думаю о твоём будущем. Не всю же жизнь тебе с твоим шуруповёртом по квартирам бегать!

Действительно, она скорее всего права. Какое у меня будущее с такой работой? Туманное...

– А с чего это ты вдруг так озаботилась моим будущим? – осторожно интересуюсь я.

– Мне оно безразлично.

– Почему?

– Ты мне очень... нравишься, и я хочу, чтобы ты был со мной рядом, – тихо произносит Ника, и начинается пауза, прерывать которую мне кажется неправильным, ведь за ней могут последовать какие-то важные для меня слова. И они звучат: – Понимаешь, Максик... В своём первом муже я разочаровалась почти сразу, как родила Костика, и дальше жили мы с ним, по сути, по инерции... Потом я эту инерцию прекратила. Такая жизнь для меня была словно оковы на ногах. Мне хотелось деятельности, а были кухня, магазины, садик, потом гимназия, музыкальная школа... А дома его я почти не видела. Он, видите ли, работал над своими... проектами. Повторяю: я – деловая женщина! Я не могла и не хотела жить такой жизнью и, когда наступила свобода, постаралась развернуться по полной. И развернулась. Я давно привыкла быть финансово независимой. Сына содержу сама. Ни разу не обращалась за деньгами ни к прежнему мужу, ни к нынешнему! Этому иногда даже подбрасываю... Вернее, фактически содержу.

Последнее было произнесено ею с лёгкой усмешкой, и опять наступила пауза.

– С Вадиком мы живём почти десять лет... – задумчиво продолжает Ника. – Когда мы познакомились, он был всего лишь... что-то вроде начальника цеха в пивоваренной компании. Потом начал расти и вот дорос... Ему через год пятьдесят. Он неплохой человек, но с годами мы, наверно, потеряли интерес друг к другу. Подозреваю, что он не случайно так часто катается в Москву... Но здесь, в Питере, мы... демонстрируем трогательное единство. Это длится уже года три.

– Тогда действительно непонятно, зачем тебе такой муж.

– С годами вырабатываются привычки, и чем люди становятся старше, тем сильнее за них цепляются. Мы с ним ладим, старательно обходя острые углы. Нас связывают эти десять лет. И ещё... Мы с ним всегда на людях. Бываем в разных компаниях, где нас давно и хорошо знают и тоже привыкли к тому, что мы вместе. Да и в любом случае я, наверно, не смогла бы его предать.

Интересно, а то, что она валяется в койке с любовником, это не предательство? Что же тогда она имеет в виду под словом «предать»?

– А то, что мы сейчас тут?.. – не удерживаюсь я от вопроса и притягиваю её к себе.

– Это совсем, совсем другое... – и она начинает меня целовать. Только сейчас делает это не алчно, а очень нежно. Так нежно, что я таю. – Одно дело – совместная жизнь под одной крышей, а совсем другое – сердечная привязанность. Тебе сколько лет?

– Двадцать семь. Я понял: ты любишь молоденьких.

– Не будь, пожалуйста, со мной циником, – это звучит с оттенком грусти. – Таким ты можешь быть со своими... девочками. Уверена, что они у тебя есть. А со мной не надо. Не смотри, что я деловая и порой жёсткая. Мне тоже можно сделать больно. Договорились?

– Прости... – мне опять становится стыдно. – А чем занимается твой сын?

– Он студент. Запихала его на платный в Медицинский. Учится так себе... Лишь бы мама не пилила и не угрожала, лишив денег, отправить в армию.

– Он живёт один?

– Да... Костик самостоятельный. Пока я занималась бизнесом, научился себя обслуживать, его не надо было отводить в гимназию, и в музыкальную школу он сам бегал. Нравилось... Свои проблемы решает сам. Только у него тяжёлый характер, в отца, наверно, пошёл. Может быть, поэтому у нас с ним сложные отношения... Мы же не случайно его отделили! Муж любит компании, гостей, особенно влиятельных гостей, а Костик этого терпеть не может. У них вообще затяжной конфликт. Сразу как-то не сошлись...

Последнее было сказано так, что это насторожило.

– Так всё-таки что ты решил? – меняет тему Ника.

Понимаю, что надо давать ответ, но так не хочется делать это именно сейчас.

– Это всё потом... – шепчу я ей на ушко. – Сейчас у нас в программе совсем другое... Куда более приятное...

* * *

Так... Сколько там на моих пока не золотых? Три часа дня... Кажется, отдохнул от «трудо- праведных». Сегодня воскресенье, и все мои любовные похождения на этот уик-энд закончились. Пробился в ванную и сейчас привожу себя в порядок. Гм... В зеркале вижу своё лицо. Да... Сам знаю, что у меня масляная, смазливая физиономия. Не зря девки любят! А я не могу подолгу задерживаться на одной, всегда моё нутро, и не только оно, требует разнообразия. Даже часто общаясь с Никой, нахожу другие возможности. Правда, после того как я всё-таки начал по вечерам осваивать бухгалтерию, моя свобода терпит убытки. Да и ладно! Похоже, то, что предложила Ника, того стоит. Правда, я пока всё ещё со своим шуруповёртом мота-

юсь по квартирам, но мысленно уже готовлю себя к другой жизни. Оказывается, бухгалтерия не такая уж сложная штука, особенно если иметь базовую экономическую подготовку.

Так... Что у меня сегодня в программе? Ах да! Я же обещал Нике навеститься к её сынку и починить там какой-то шкаф. Придётся исполнять. Должен же я хоть чем-то быть ей полезен кроме койки!

Не бывал я ещё в этом районе. Весёлый Посёлок для меня всегда был белым пятном на карте города. Еле нашёл нужный адрес. Если бы не объяснения Ники, так наверняка бы заплутал. Действительно, надо думать о машине, мерить все расстояния ногами просто надоело.

Звоню в дверь. Тишина... Ещё звоню. Шаги... Щёлкает замок.

А у сына-то та же узкая кость, что и у мамы... Взъерошенные тёмные волосы (разбудил я его, что ли?) и несколько тревожный взгляд.

– Добрый день, – здороваюсь в неопределённой форме, поскольку не знаю, как мне с ним общаться: вроде и заказчик, а вроде и ещё пацан. – Я по ремонту шкафа.

– Здравствуйте... Мне мама звонила, – и пропускает меня в квартиру.

– Ты вот мне сразу открыл, даже не спросив, кто это звонит тебе в дверь, – замечаю я, выбрав наконец форму общения. – А если бы это был какой-нибудь грабитель? Грохнули бы тебя, и дело с концом...

– Я не сообразил. Вообще у меня редко кто бывает...

– Тем более! Показывай, что там у тебя.

Да... Ремонта тут, конечно, прилично, хотя мужик с руками мог бы это всё сделать и сам. Начинаю работать. Парнишка топчется рядом.

– Не волнуйся, без спросу ничего брать не буду, – хмыкаю я.

– А я и не волнуюсь. Просто мне интересно... Я вам мешаю?

– Нет, конечно. Да! Забыл представиться. Я – Максим, а ты, я знаю – Константин.

– Я тоже знаю, что вы – Максим, – неожиданно светло улыбается он. – Мама вас мне представила... по телефону.

– Как представила? Кем?

– Сказала, что вы её друг...

Хм... Понятно.

Вожусь уже час. Костик с удовольствием придерживает детали разваливающегося шкафа, чтобы они не упали на стоящее рядом пианино, подаёт инструменты... И всё время улыбается! Видно, что парню интересно.

– У вас так ловко получается! Знаете... Вы так красиво всё делаете. Без лишних движений!

– Практика... Ну-ка, давай его поднимем... Во-от... Теперь совсем другое дело! И створки открываются, как надо, – говорю я с удовлетворением.

– А вы давно по мебели работаете?

– Слушай, что ты всё выкаешь? Меня зовут Максим, тебя – Костя, вот моя рука! – и пожимаю его узкую ладонь. – Всё! Теперь мы с тобой на «ты»! Понял?

– Угу... Я вам сколько должен за работу?

– Повторяю для непонятливых: мы с тобой теперь на «ты»! А за работу ты мне ничего не должен, – и начинаю собирать инструмент.

Стоит, мнётся.

– Максим... ты закончил и сейчас уже уйдёшь?

– Да, а что?

– Может, попьём кофе?

Понимаю, что ему не хочется, чтобы я уходил. Скучает, что ли? А по описанию Ники он вроде должен быть нелюдимым.

– Давай, – соглашаюсь я, и мы идём на кухню.
– Извини, у меня сегодня только растворимый, – смущённо сообщает хозяин.
– Неважно! – вспоминаю, что Ника говорила про музыкальную школу, но зачем-то спрашиваю: – У тебя там пианино стоит. Играешь?
– А разве тебе моя мамаша не говорила? – практически ловит он меня.
– Может, и говорила...
– Тогда зачем ты спрашиваешь? – Костик с грустной усмешкой смотрит на меня. – Чтобы разговор поддержать?

От точности попадания не нахожу, что ответить.

– Максим, скажи честно: ты с моей матерью как? – вдруг задаётся вопрос, от неожиданности которого я чуть не вздрагиваю. Неужели Ника всё выложила сыночку про наши отношения?

– В смысле? – я делаю попытку если не уйти от ответа, так хоть отодвинуть его во времени.

– Ну, ты её... Короче, ты спишь с ней?

– Да! – чего врать-то ему! Большой уже мальчик. – Ты против?

– Мне-то что? Трахайтесь на здоровье!

Какое-то время сидим молча. Неужели он предложил мне кофе, чтобы это выяснить?

– Хочешь выпить? – вдруг спрашивает Костик и, не дожидаясь ответа, лезет за рюмками. Потом достаёт виски и наливает. Пить в мои планы не входило, но, видимо, придётся поддержать компанию. Чокаемся.

Обращаю внимание на то, что для своего возраста он совершенно спокойно забросил в себя содержимое рюмки и ведь даже не поморщился!

– Скажи, вот ты предложил мне задержаться и попить кофе для того, чтобы узнать про мои отношения с твоей матерью? – задаю я прямой вопрос.

– А чего мне узнавать? Не ты первый... Только другие её ровесниками были... – и замолкает, смотрит в пустую рюмку и наливает снова. – Если честно, я просто хотел поговорить. Ну, давай!

Чокнувшись, свою рюмку я ставлю на стол. Похоже, он и вправду цепляется за возможность общения, а значит, у него с этим совсем небогато.

– А ты что, всё время один?

– Один... А почему ты спросил?

– Мне показалось, что ты мало общаешься.

– Тебе правильно показалось. Мало...

– Погоди. А университет, девчонка, друзья...

– Девчонки и друзей у меня больше нет, – жёстко заявляет он и наливает себе опять. – Хочешь, расскажу?

– Ну если считаешь возможным...

Костик пожимает плечами, опять забрасывает в себя виски и закрывает глаза, будто готовясь к преодолению чего-то.

– Когда твою любимую девчонку почти на твоих глазах трахает твой же друг... – хрипло говорит он, глядя в окно, и замолкает, видимо переживая случившееся разочарование.

– Как это произошло? – не очень тактично интересуюсь я, понимая, что случилось что-то не совсем рядовое.

– Ну выпили мы... Я отрубился, а он... Потом я проснулся... Не вовремя проснулся. Вот и увидел.

Понятно.

– Я всё думаю, – переводит он взгляд на меня, – ведь они не любят! Ни он её, ни она его... Зачем тогда это? – и внимательно смотрит, явно ожидая ответа от старшего товарища.

Как же ему объяснить? С точки зрения моего опыта?

– Понимаешь, Костя... Мы, мужики, всегда хотим... А по пьянке это ещё и усиливается, поскольку ослабевают тормоза.

– Ну это мужики... А она?

– Ей, наверно, в тот момент тоже было нужно. Ты её трахал?

– Нет... – смущённо признаётся он и добавляет: – Я вообще ещё ни разу... Ты чего не пьёшь?

Приходится выпить, и сразу же рюмки снова наполняются.

– Вот, видимо, она и решила, что с тебя проку нет никакого.

– Тогда зачем же она говорила мне, что я ей нужен, что лучше меня никого нет...

– Женщин порой трудно понять... – философски заключаю я.

– Конечно, трудно! – он опрокидывает в себя содержимое рюмки. – Вот ты с моей матерью трахаешься, а ведь, уверен, её не любишь! Ну я понимаю: ты – мужик и всегда хочешь, а она? Она что, любит тебя? Сомневаюсь. С детства помню её... друзей. То есть вы просто удовлетворяете свои потребности. Мать-то этим всегда занималась.

Поражает, что последнюю фразу он сказал с оттенком брезгливости.

Молчу. Даже не знаю, что ему возразить. Парня, похоже, понесло, его явно уже хорошо забрало. Хотя с чего? Всего-то... Он наливает себе снова, а я так и не выпил.

– Костя... – останавливаю его, видя, что он собирается оприходовать и эту порцию. – Не надо больше. Рюмки у тебя уж очень солидные, да и хватит тебе уже.

– А тебе что, не всё равно, сколько я пью? – будто с лёгкой озлобленностью спрашивает он.

– Мне не всё равно, – отвечаю достаточно жёстко, потому что мне его действительно стало жалко, да и не ожидал я, что сын Ники окажется таким... романтиком.

– Да ладно! Не болтай... Кому я вообще интересен со своими тараканами? – и делает попытку всё-таки выпить. Не позволяю.

– Костя... Я серьёзно. Хватит! А по поводу твоих тараканов – готов обсудить с тобой эту тему при следующем визите.

Удивлённо смотрит на меня, будто пытается увидеть что-то скрытое. Всё ясно: мать, занятая бизнесом и мужиками, не проявляла особого интереса к его жизни и проблемам, которые он всегда решал сам, как умел. И вот результат: чувствует себя не нужным никому.

– А ты что, придёшь сюда ещё раз? – недоверчиво спрашивает он.

– Если пригласишь – приду.

– Правда?

Трудно сказать, чего больше в этом вопросе: наивного удивления или робкой надежды. Да... Кажется, я буду просто обязан ещё раз появиться здесь. Что-то в нём меня зацепило...

– Правда. Обменяемся телефонами и созвонимся, – сказав это, понимаю, что такое решение может показаться ему ненадёжным, и поправляюсь: – Нет! Давай лучше определимся сразу сейчас. Только давай договоримся: матери ты об этом не скажешь. Лады?

– Конечно! Я не буду ей говорить.

Это было сказано не только с готовностью, но и с облегчением.

* * *

Странно, но всю неделю вспоминал свой визит к Никиному сыну. Его вспоминал... Правда, иначе, как «Костиком», так же, как и она, про себя его не называю. Интересный парень. Что же всё-таки меня в нём зацепило?

Звоню в Костинову дверь. На этот раз слышу быстрые шаги, и он открывает сразу.

– Привет!

– Здравствуй, Максим! – и крепко пожимает мою руку. Ему явно приятно, что я выполнил обещание и пришёл. – Пойдём, сегодня у меня есть правильный кофе.

Заходим на кухню. Ого! На столике уже две чашки и... две рюмки.

– Садись! Я кофеварку уже заправил, сейчас сварится. Ты что будешь – виски или коньяк?

В моей голове что-то проясняется. Меня встретил в прошлый раз, не сразу открыв и вздохмаченный, значит, спал... Неужели втихаря попивает, а потом спит?

– Кость... Давай сегодня без выпивки! Мы же хотели поговорить... – и внимательно смотрю на него – будет ли на его лице сожаление?

– Давай... – спокойно соглашается он и начинает разливать кофе.

– Тебе что, нравится квасить? – спрашиваю я, когда мы уже отхлёбываем из чашек.

– Почему ты это решил?

– Ну ты тот раз предложил, сейчас...

– Ты же мой гость.

– А что, в гости ходят только для того, чтобы напиться?

– Или потрахаться, – с усмешкой произносит он.

Похоже, эта тема для него болезненна. Может, из-за того, что он ещё девственник, у него комплекс?

– Слушай, а что это действие тебя так беспокоит? Нормальные человеческие проявления с обеих сторон, – достаточно беззаботно заявляю я. – Ты с этим не согласен?

Его лицо становится сосредоточенным, и он какое-то время молчит.

– Скажи, Максим, а что ты считаешь нормальным?

Такой поворот почему-то ставит меня в тупик. В юности, после моих походов, отец как-то говорил со мной про нормальность и ненормальность поведения людей в разных ситуациях, особенно в отношениях с женщинами. Говорил мне: нормально то, что морально, а моё поведение, с его точки зрения, ничего общего с моралью не имело. А потом, во время приснопамятного семейного скандала, он же заявил, что мой «кобелизм» привёл меня к полной деградации. Что делать: мой папа всегда отличался повышенной интеллигентностью и не смог принять сексуальной революции.

Видимо, мои воспоминания и размышления не только привели к возникшей паузе, но и отразились на моём лице, потому что Костик решает продолжить.

– Знаешь, я, может быть, действительно ненормальный, или, как теперь принято говорить, «с тараканами», но мне всегда хотелось любить... – на его лице появляется мечтательное выражение. – И не только носить свою любимую на руках, но и всегда поступать так, чтобы быть для неё действительно единственным мужчиной...

– Мне кажется, то, о чём ты говоришь, – лишь сплошная романтика. В жизни всё происходит по-другому, – усмехаюсь я.

– Прости, Максим... С самого детства я привык быть один. Мать всегда была занята чем-то или кем-то, а для меня друзьями стали книги... Сначала это были... сказки. Потом я стал читать разные другие. Ну и ещё... музыка. Она всегда была со мной.

Смотрю на его узкую кисть с длинными, «музыкальными» пальцами, держащими чашку с кофе. Понятно. Мальчик, будучи одинок, начитался романтической литературы о высоких чувствах. Бедняга! В наше время все чувства сконцентрированы в одном-единственном месте.

– Понимаешь, когда мать мне позвонила и сказала, что отремонтировать шкаф придёт её друг, – опять после паузы продолжает Костик, – у меня сразу же возникло какое-то отторжение, что ли... Очередной её друг... Все они всегда воспринимали меня с какой-то усмешкой...

А когда пришёл ты и сначала, как равному, разрешил мне помогать, захотел меня выслушать, а потом ещё и не позволил напиться, я подумал, что ты – хороший человек и с тобой можно просто поговорить откровенно. Подумал, что я... тебе не безразличен, как всем остальным.

Во мне снова возникает жалость к этому парню. Он ведь действительно одинок!

– Ты мне действительно безразличен. Это правда. И это совсем не потому, что у меня с твоей матерью шуры-муры.

– Спасибо... И всё-таки объясни мне, почему среди своих ровесников, да и не только ровесников, я со своими взглядами – как белая ворона? Почему, когда я говорю то, о чём реально думаю, это вызывает одни насмешки? Даже ты усмехнулся, когда сказал, что мои слова – одна романтика. Объясни мне, что плохого в романтизме? Что плохого в желании любви в истинном смысле этого слова?

– Ты сейчас говоришь, как моя бывшая жена и как мои родители. Очень похоже.

– Ты был женат?

– Да. Целых три года, и год назад развёлся, – отвечаю достаточно сухо, но понимаю, что от дальнейших вопросов не застрахован.

– А почему развёлся?

Так я и знал! Что ж, придётся каяться.

– Понимаешь, Костя, воспитанию родителей я не внял и был пойман на измене жене. Она сразу сама подала на развод. И теперь с нашей дочкой живёт самостоятельно.

– У тебя ещё и дочка есть... И ты им изменил! – увидев мой взгляд, он сурово поясняет: – Я считаю, что ты изменил не только жене.

Молчу. Интересный у нас разговор выходит. Главное – не скучный!

– Понимаешь, Максим, я так никогда не смогу. Может, именно поэтому я один...

– А по-моему, ты один, потому что комплексуешь из-за отсутствия у тебя сексуальной жизни.

Костик вздыхает, по сути, подтверждая мои слова. Ясно, что он чувствует себя неполноценным! Своей девчонке наверняка всё про «розы, грёзы» рассказывал, а ей нужно было совсем другое...

– Максим, а ты вообще когда-нибудь кого-нибудь любил?

От неожиданной прямоты вопроса слегка теряюсь. А действительно... Любил я или нет? Любовь... Может, я пока не знаю, что это такое?

– Молчишь... Значит, не любил, – выносит он приговор.

Да... Ну и парень... С ним точно не соскучишься! Он даже говорит каким-то современным языком. Наверняка из своих книг всего этого набрался.

– Может быть, ты и прав... – говорю я задумчиво, осознавая, что с такой стороны посмотреть на свою жизнь пока ещё не удосужился.

– Знаешь, а ты тоже прав, – вдруг смущённо улыбается Костик. – Честно говоря, из-за того, что секса у меня ещё не было, я чувствую себя среди своих сверстников почти... ущербным. Почему-то ты располагаешь меня к такому признанию. Я ещё ни с кем так откровенно не говорил, как с тобой. Наверно, я тебе поверил...

Вот она – ответственность за тех, кого приручаем!

– Буду стараться оправдать твоё доверие... – тихо бурчу я. – Ты не волнуйся, я не трепло.

– Убеждён в этом! И всё-таки хочу вернуться к прежней теме. Я уже понял, что мы с тобой совершенно по-разному относимся к отношениям между мужчиной и женщиной. Возможно, я слишком, как ты говоришь, романтичен и поэтому существую вне нынешнего мира, но мне действительно всю мою маленькую сознательную жизнь хотелось любить и хотелось женской любви! Такой, как её понимаю, я тебе уже говорил. Вот скажи, Максим, как мне такому жить дальше?

– А ты уверен, что ты правильно всё понимаешь? Думаю, что любовь и койка – разные вещи. Как мы с тобой уже говорили – и мужчины, и женщины просто удовлетворяют свои естественные потребности. Это ведь всем нам надо! Кому-то больше, кому-то меньше... Ну, например, не виноват я, что природа меня так устроила, что мне это надо постоянно!

– Мне всегда казалось, что секс должен являться продолжением большой любви, а не самоцелью, – задумчиво произносит Костик.

– Извини, может, плохо скажу. А почему же у тебя с твоей той девчонкой так ничего и не было? Ты же мне говорил, что любил её.

– Любил... Но я... боялся... Я ведь... не умею.

Во дела! Хочется смеяться, но не могу себе этого позволить.

– Не понял... А чего там уметь? Вон, у тебя комп стоит. Запустил порнуху и набирайся знаний... – усмехаюсь я.

Пожимает плечами и грустно улыбается.

– Да видел я всё это... Только всё равно всегда боялся, что сделаю что-то не так, а она обидится...

– Ну да. А твой бывший друг не боялся, – и, замечая, как он бледнеет, отсекаюсь. – Прости... Я не хотел...

– Да ладно... Ничего. Это уже остатки... – он вздыхает.

– Короче, как я тебя понял, ты ищешь свою принцессу, то есть девчонку, которая будет думать так же, как и ты, – выношу я свой вердикт.

– Да... Я очень хочу найти такую. Иначе просто весь мой мир разрушится. А мир, в котором ты живёшь, – это ведь как дом...

– А тебе в твоём мире уютно?

Костик задумывается и опять смотрит в окно. Я уже понял, что у него это признак преодоления чего-то в себе.

– Даже не знаю, что тебе ответить, – наконец признаётся он. – Я в других мирах ещё не бывал. Я живу в своём... Хотя, наверно, каждый человек живёт в своём мире. У тебя ведь тоже свой мир. И, как я понял, тебе в нём уютно.

Теперь уже задумываюсь я. Опять Костик заставляет меня включать голову! Не хочу сказать, что он душный парень, мне даже интересно с ним общаться, но во время этого общения я испытываю определённый дискомфорт, ведь он порой заставляет меня думать о таких вещах, о которых я абсолютно сознательно всю свою жизнь старался не задумываться. Да, примерно об этом же мне говорили мои родители, и, возможно, того же от меня ждала бывшая жена, но желание свободы во всём и нежелание самостоятельно накладывать на себя, любимого, какие-либо ограничения толкали меня на постоянное скрытое противодействие всем этим увещеваниям. А с Костином – как говорится, и больно, и приятно. И всё-таки: что же ему ответить?

– Пока не жалею... – бурчу я и пытаюсь сменить тему. – Кость... Прости, я хотел ещё у тебя спросить: мне показалось, что ты порой нажимаешь на алкоголь. Это тоже составляющая твоего мира?

Ого! Сразу как-то насупился. Опять смотрит в окно.

– Знаешь, как иногда тоскливо сидеть одному в четырёх стенах? – сейчас в его глазах такая тоска! – Вот сегодня ты пришёл, и я тебе очень благодарен. Только вот ничем не угостил. Ты, наверно, есть хочешь?

Лишь после этих слов понимаю: в животе урчит. Надо сказать, что наш разговор так меня увлёк, что я на это даже не обращал внимания.

– Честно говоря, не отказался бы.

– Конечно! Я сейчас пельмени сварю!

Блин! Опять пельмени... Это же и моя постоянная еда!

– Ладно! Давай варить пельмени. Ты как их ешь: с бульоном или насухо?

– А ты?

– Я насухо.

– Тогда так и сделаем.

Пельмени сварены, они уже в тарелках.

– Не хочешь под пельмени? – Костик кивает на так и не убранные рюмки.

– А ты?

– Я как ты... – улыбается он.

– Тогда давай не будем, – решаю я, хотя под пельмешки мог бы, но не хочется, чтобы он потом продолжал. Уже это проходили. – Костя, ты давай с этим прекращай шутить. Затянет!

Молча смотрит на меня.

– Я тебе серьёзно говорю. Мне бы не хотелось, чтобы ты квасил.

– Правда? Тебе бы не хотелось?

– Правда. Мне это небезразлично, – говорю это слово достаточно жёстко, понимая, что оно для него важно. – Прекращай давай!

– Я согласен... Один больше не буду, – решает он, по сути подтверждая мою догадку, и добавляет. – Ты только иногда приходи ко мне... вот так поговорить. Ладно?

Что ж... Он меня действительно зацепил своим романтизмом и этой беззащитностью. Придётся над парнем брать шефство.

– Не волнуйся. Теперь я буду приходить к тебе в гости. Честно скажу: интересный у нас с тобой разговор выходит. Что-то не припомню, чтоб я такой с кем-то вёл.

* * *

Три месяца моей учёбы бухгалтерству счастливо закончились. То ли я не такой уж тупой, то ли действительно при наличии базовой экономической подготовки сама по себе бухгалтерия не является чем-то запредельно сложным, но нужный документ я успешно получил и уже несколько дней пытаюсь сводить дебет с кредитом на новой для себя работе. Естественно, нужно привыкать! Это не мебель по квартирам собирать... Теперь у меня есть рабочий стол с компьютером, куча папок с бумагами и помощница в лице пенсионерки и заслуженного бухгалтера Аллы Ивановны, вынужденной терпеть недоучку-начальника, который хоть и с высшим экономическим образованием, да только бухгалтерия – это всё-таки совсем про другое.

Всё время думаю про Нику. Здорово она изменила мой статус! Вот так жёстко взялась и изменила. Перед моим первым выходом на новое место работы даже мне костюм подарила, чтобы я солидно выглядел. Стараюсь... Но когда мы с ней, после отъезда её мужа в очередную командировку, отмечали наступившие изменения в моей жизни, мне неожиданно открылся их истинный смысл. Поднимая рюмку с коньяком, она с милой улыбочкой заявила, что теперь может быть спокойна, поскольку её Максик наконец перестанет бегать по квартирам, где его, возможно, подстерегают какие-то знакомства, а на новой работе он не только занят выше крыши, но и его единственная сотрудница находится в возрасте, уже исключающем романы. Тут я понял, что попал... Вписываясь во все эти игры, я никак не мог предположить, что Ника в меня так вцепится. Даже когда она как-то сказала, что хочет, чтобы я был рядом, я не отнесся к сказанному серьёзно.

С Костиком созваниваюсь на уровне «как дела», но после впечатлившей меня беседы пока ещё у него не был. Отбояриваюсь обилием разных дел, что в действительности – чистая правда.

Изменения в моей трудовой деятельности почти сразу стали давать плоды. С первой же моей высокой зарплаты Ника заставила меня полностью переодеться и для повседневной, вне-производственной жизни. Пришлось купить и новые джинсы, и обувь, и куртку... Не успокоившись после получения мной документа об окончании бухгалтерских курсов, она отправила меня на обучение вождению, и теперь по вечерам я снова занят. Сопrotивления с моей стороны её новой инициативе не было. Я давно хотел получить права и обзавестись собственным

транспортом, тем более при своём нынешнем жалованье через некоторое время вполне могу позволить себе купить машину.

Кроме всего прочего, после того как я занял должность главного бухгалтера, Ника стала таскать меня по своим заведениям в инспекционных целях, чтобы её новый сотрудник смог лично посмотреть всё хозяйство. Даже не предполагал, что тут столько всего есть. Когда сказал об этом хозяйке, она самодовольно улыбнулась и предупредила, что это далеко не всё и мне ещё предстоит открытия. Даже заинтриговала меня!

– Максик! Здравствуй! – голос Ники в трубке просто журчит. – На ближайшие три дня ничего не планирую. Если будет что-то срочное, Алла Ивановна сделает это сама, а мы с тобой, мой золотой, поедem в область. Я хочу показать тебе другие наши... объекты. Это пансионат, ну и там ещё разное... Обещаю, что ты будешь доволен.

– Если это в области, то как мне одеваться?

– Ну, милый... Конечно же, не в костюме! Я думаю, тебе надо надеть то, что ты купил для неофициальной жизни. Тем более ты продемонстрировал, что умеешь выбирать правильные вещи. У меня будет спортивный стиль. Мой спутник должен выглядеть соответствующе, – мурлычет Ника. – Да! Чуть не забыла! Возьми с собой купальные принадлежности.

– Валяться в снегу будем?

– Ну шаз! – фыркает она. – Там нас с тобой ждут сауна с бассейном.

– Если это будет только на двоих, то купальные принадлежности нам будут не нужны, – смеюсь я. – Я уже всё видел, и самому мне скрывать от тебя больше нечего.

– Хм... Ну ты и шалунишка... Мне нравится такой подход! Завтра в десять я за тобой заеду. До встречи, милый!

Ника отлично ведёт свой Land cruiser. Напористо, жёстко и одновременно спокойно. Порой кажется, что от неё другие машины просто разбегаются по сторонам, будто реально слышат постоянное: «Посторонись, мужик! Не видишь – я еду!» Всегда, когда мы с ней ездим, украдкой наблюдаю за её действиями. По-мужски ведёт! Это, конечно, с моей непрофессиональной точки зрения. Вот сам научусь, наберусь опыта, и тогда...

– Ты что на меня так поглядываешь? – обращает она внимание на мои наблюдения.

– Смотрю, как ведёт машину опытный водитель.

– Вот смотри и учись! А научишься – доверю себя возить, – усмехается она, и мне от такой реплики становится неуютно. Уж как-то очень по-хозяйски. А собственно, кто Ника для меня теперь ещё кроме как любовница, – хозяйка!

– Буду стараться...

Эх, не так сказал. Надо было сказать: «Рад стараться!» Ну а как ещё может ответить благодарный подчинённый своей благодетельнице!

– Ты и так уже стараешься, – успокаивает она, вдруг тормозит на обочине шоссе, поворачивается ко мне и притягивает к себе за шею.

Нежные и сладкие поцелуи примиряют меня с ощущением подчинённости.

– Знаешь, как я рада, что мы проведём эти трое суток вместе, не расставаясь... – шепчут её губы. – Поцелуй меня... Я хочу принадлежать только тебе...

Долго целуемся.

– Если мы сейчас не прекратим целоваться, то принадлежать мне ты будешь прямо тут, в машине... – шепчу я ей на ухо.

– Нет... Надо ехать, – с оттенком сожаления говорит она.

Едва мы подъезжаем к крыльцу, как из трёхэтажного здания пансионата быстро выходят несколько человек: мужчина средних лет и две женщины неопределённого возраста.

– Здравствуйте! – Ника выходит из машины.

– Здравствуйте, Вероника Михайловна! Рады видеть вас снова в этих прекрасных уголках, – один за всех, улыбаясь, но без подобострастия, приветствует её мужчина и сразу же докладывает: – Ваши апартаменты приготовлены ещё со вчерашнего дня.

– Здравствуй, Георгий. Молодцы, что ждёте.

Обращаю внимание на её тон. Те же ассоциации: хозяйка приехала! Ещё обращаю внимание на взгляды, которые бросают на меня встречающие. Похоже, они всё понимают. Значит, такие визиты для них не новость или предупреждены о наших отношениях заранее...

– Максим Петрович, – обращается она ко мне по имени и отчеству, как всегда, когда мы с ней на людях, – познакомься: это Георгий Николаевич, директор пансионата. А тебе, Георгий, рекомендую нового главного бухгалтера фирмы.

Мы пожимаем друг другу руки. Однако... Меня представила по имени и отчеству, а директора называет только Георгий. Ловлю его внимательный, явно оценивающий, взгляд. Дежурно улыбаюсь...

– Ты не смотри, что такой молодой, – усмехается хозяйка, тоже обратив внимание на реакцию директора. – Он к тому же ещё и профессиональный экономист, – и весело распоряжается: – Ну, сегодня мы отдохнём, а все дела – завтра! Надо же когда-то стряхнуть с себя будничную рутину.

– Сауна и бассейн готовы, – докладывает директор, продолжая меня рассматривать.

– Вот и хорошо! Пойдём, разместимся, Максим! Георгий, пусть нам накроют в маленькой банкетной.

Взяв из машины свои вещи, хочу одновременно захватить ещё и её сумку, но она уже в руке Георгия. О том, как и где меня селить, он даже не спросил. Всё идёт как бы само собой. Ладно! Об этом я подумаю после.

Вот и хозяйские апартаменты. Две комнаты: гостиная и спальня. Отмечаю, что тяжёлые шторы на окнах позволяют создать интим в любое время суток.

– Ну как, Максик? Тебе тут нравится? – и Ника с откровенно похотливой улыбкой падает на огромную кровать.

– Шикарно! – и следую её примеру. – Мы обедать пойдём сразу или задержимся?

– Как скажешь... – и следует поцелуй.

– Тогда задержимся...

* * *

Открываю глаза. Рядом, блаженно улыбаясь, спит Ника.

Да... Поздно вчера мы с ней успокоились, вернее сказать – рано сегодня. Сауна с бассейном, ужин в номере, ну и всё остальное... Утомил я свою подругу. Ох, да... Ну и хозяйку тоже.

– Подъём... – тихо говорю я и целую её.

– Максик... Я спать хочу... – бормочет она, не открывая глаз. – Ты иди... Скажи Георгию... Они тебе накроют... завтрак.

Приняв душ и одевшись, спускаюсь на первый этаж.

– Доброе утро, Максим Петрович! – приветствует меня директор. – Выспались?

Очевидная двусмыслица вопроса заставляет меня снова вернуться ко вчерашним мыслям. Такое впечатление, что для obsługi этого пансионата всё идёт в полном смысле слов «как всегда». Это весьма показательно! Неужели Ника этого не понимает? Или понимает, но ей на это просто наплевать, поскольку она хозяйка не только всего этого, но и хозяйка положения.

– Как вам сказать... – провокационно усмехаюсь я. – Можно мне как-нибудь позавтракать?

– У нас «как-нибудь» не бывает, – в свою очередь усмехается Георгий. – Пойдёмте!

После вкусного и обильного завтрака директор приглашает меня в свой кабинет.

– Максим Петрович, вы простите мне мой вопрос, вы действительно главный бухгалтер всей фирмы?

Внимательно смотрю ему в глаза и пытаюсь понять, что в его взгляде. Поездив с Никой по её заведениям, я уже встречался с разными людьми и понял, что халдейство – это определённое призвание человека. Такие люди готовы лизать и в присутствии, и в отсутствие персоны, то есть всегда. И такого сорта людей вокруг неё много. Может, сознательно подбирала? Сейчас же мне хочется понять, из каких Георгий. По первой встрече он мне не показался халдеем.

– Я по специальности – экономист с высшим образованием и плюс бухгалтерские курсы, – честно признаюсь я. – Занимаю должность главного бухгалтера. Не могу сказать, что уже разбираюсь во всём, но буду стараться.

Очевидно, мой ответ удовлетворяет, потому что на его лице проступает одобрительное выражение. Гм... Этот мужик явно не из халдеев. Он и перед Никой держится с достоинством.

– Вы боитесь, что я буду вас проверять? – в свою очередь спрашиваю я.

– Нам особенно бояться нечего. Явных нарушений мы не допускаем, а мелкие в любой бухгалтерии бывают всегда.

– Тогда чем вызван ваш вопрос? – и решаю прояснить: – Моим статусом при Веронике Михайловне?

Его тонкая улыбка служит мне ответом.

– Ну вы же сами его понимаете, поскольку у вас не возникло вопросов о моём поселении, – усмехаюсь я.

– Понимаю... – он перестаёт улыбаться. – Видите ли, Максим Петрович, я работаю директором уже пять лет и много кого здесь повидал... Правда, таких молодых, как вы, с ней тут ещё не бывало.

Молча смотрим друг на друга.

– Хотите, я угадаю, как она вас называет? – и, не дожидаясь моего ответа, продолжает: – Вы для неё – Максик. Верно?

Машинально киваю. При этом, вероятно, моя реакция отражается на лице, потому что он грустно усмешается.

– В своё время я был... Жориком.

– Простите... вы когда-то были на моём месте?

– Только не главным бухгалтером. У нас был бурный роман... – бывший Жорик задумывается. – Это было ещё до её нынешнего замужества. Давно это было... Я тогда был довольно известным в Петербурге джазовым пианистом. И за границей приходилось выступать... Молодой, симпатичный, успешный... Влюбился в хозяйку салона, где перед выступлениями наводил на себя лоск. В общем, рассказывать долго, но для меня итогом наших отношений стала потеря профессии...

Молчу и не знаю, что сказать после такой неожиданной исповеди. Вероятно, это стимулирует моего собеседника к дальнейшему рассказу.

– Затаскала она меня тогда по всяким злачным местам, где мы весело проводили время, а потом предавались плотским утехам. Любил я её до беспамятства и готов был тогда на всё. Стал отказываться от концертов, меньше репетировать... Потом появился Вадим, а я ей, видимо, надоел. Да и к музыке она всегда относилась только как к чему-то развлекающему. А ведь музыка... – он задумывается и смотрит куда-то сквозь меня. – Я почему решил с вами поговорить... Понимаю, вы ещё молоды и, судя по всему, Нике вы сейчас нравитесь именно своей свежестью. Уверен, что, прельстившись, она решила за вас взяться и втиснуть в своё понимание жизни. Именно «втиснуть»! Не знаю, как у вас, но мои интересы всегда были значительно шире её рамок, и, тесно общаясь с ней, я был вынужден внутренне постоянно как бы ужиматься. Но, повторяю, любил я её до беспамятства, хотя уже сейчас понимаю, что скорее всего это была не любовь, а только желание её тела. Не знаю, какие у вас с ней сейчас отно-

шения, но вы мне показались человеком, которого я должен предупредить. Я ни с кем из её спутников не вёл таких разговоров, но все они были её ровесниками или старше, а вы молоды, а значит, у вас есть время, чтобы совершить правильный поворот. А в том, что он вам будет нужен, я не сомневаюсь. Вы, конечно, можете, если захотите, обсудить мои слова с Никой... Я хозяйского гнева не боюсь. Много чего уже повидал в этой жизни...

– Не захочу, – это у меня вырывается слишком отрывисто, и я ловлю одобрительный взгляд. – А как вы оказались тут директором?

– Видите ли, Максим Петрович...

– Называйте меня просто Максим, – поправляю я и снова вижу то же одобрение.

– Хорошо. Я так буду вас называть, когда мы с вами наедине. Договорились?

Киваю.

– Так вот, Максим... Когда я понял, что потерял возможность выступать, а жить на что-то было надо, я сначала стал давать уроки игры на рояле, а потом вообще устроился преподавать в музыкальную школу. По иронии судьбы ко мне на обучение попал сын Ники. Ему тогда уже было что-то тринадцать или четырнадцать лет. Надо сказать, интересный мальчишка... Как он уже тогда играл Шопена! Он его нутром чувствовал. Очень способный! Мы с ним много разговаривали... Главное – он правильно мыслит! Жаль будет, если мать его испортила, – он задумывается. – Придя как-то в школу и увидев там меня, Ника очень неприятно удивилась тому, что её сын учится у её же бывшего любовника, но попыталась скрыть своё неудовольствие. Однако я, как человек хорошо её знающий, почувствовал это сразу. Потом она весьма благожелательно говорила со мной и, выяснив размер моей зарплаты, сразу же предложила место директора этого пансионата. Я понял, что главное, чего ей хотелось, – убрать меня от своего сына. А поскольку кормить семью, которая к тому времени уже была, на жалованье учителя музыки сложно, я принял её предложение. Так я оказался здесь. Надо сказать, что это не самый плохой вариант. Хозяйка сюда наезжает нечасто, поэтому можно работать спокойно. Я даже начал вечерами снова музицировать...

Закончив свой рассказ, Георгий Николаевич молча смотрит на меня, будто ждёт моей реакции. Хочется рассказать о моём знакомстве с Костиком, но я же ему пообещал!..

– То есть вы хотите сказать, что меня вполне может ожидать повторение вашей истории?

– Всяко может быть... Я вам это всё рассказал, чтобы вы подумали. Сейчас Ника вами явно увлечена и будет всячески устраивать вашу жизнь, подгоняя её под свои стандарты. Возможно, в молодом возрасте получить практику в финансовой деятельности как некий толчок вверх полезно, но, думаю, вы всегда должны помнить, что ваше нынешнее положение ненадёжно. Оно зависит не столько от ваших профессиональных качеств, сколько от ваших физических кондиций, – он усмехается. – Простите, что я коснулся таких вопросов. Просто я не думаю, что вы сгораете от любви к Нике, а она от любви к вам... Многие тонкие и деликатные вещи, подразумевающие высокие чувства, для неё всегда были предметом своеобразной забавы.

Отвожу взгляд в сторону. Надо очень хорошо пораскинуть мозгами! За последний период моей относительно беззаботной жизни я получил столько вводных, требующих настоящего обдумывания, сколько не получал ещё ни разу.

– Спасибо, Георгий Николаевич, за науку... – бормочу я.

– Надеюсь, что она пойдёт вам впрок, Максим. Постарайтесь избежать ошибок, подобных тем, которые совершил я, – он мне улыбается. – Ну ладно! Думаю, что вам пора идти, а то Ника вас хватится.

Не спеша поднимаясь на второй этаж, где располагаются наши апартаменты, пытаюсь определиться, когда можно будет в одиночестве основательно всё взвесить. Похоже, только уже в городе, у себя дома.

- Ой, Максик! Наконец-то ты появился! – радостно приветствует меня Ника, выходя в халатике из душевой. – Георгий тебя накормил?
- Да. Все было прекрасно, – докладываю я.
- Тогда не хочешь ещё раз позавтракать уже вместе со мной?
- Не боишься, что я растолстею от таких обильных харчей?
- Не боюсь... – прижимается она ко мне. – В ближайшие три дня тебе понадобится много сил...

* * *

Три дня в пансионате для меня буквально пролетели.

Нет, конечно, я всё-таки познакомился с их бухгалтерской отчётностью и вообще с состоянием финансов. Георгий сразу же меня спросил, нужно ли при этом присутствие директора. Мне показалось, что оно будет, мягко говоря, не лишним, и попросил его присутствовать. Слава богу, что это пришло мне в голову. Его бухгалтерша, будучи маститым специалистом, сразу решила «помакать» молодого проверяющего, и если бы не очень тактичное заступничество её шефа, то мне с уровнем моих познаний пришлось бы совсем туго. В конце концов она сменила гнев на милость, и, надо сказать, наши две встречи стали для меня познавательными. Я прояснил для себя несколько вопросов, прежде вызывавших у меня трудности. Черт возьми, оказывается, вся эта финансово-бухгалтерская кухня, если в ней разобраться, не такая уж скучная штука! И вообще, не зря же меня чему-то учили в университете! По крайней мере, знакомые термины я встречаю.

Ника в течение всего нашего обитания в пансионате вела себя со мной, как строгая наставница, когда мы были на людях, и как маленькая капризная девочка, когда мы оставались одни. После разговора с Георгием, несмотря на своё решение проанализировать полученную информацию дома, я, как только оставался один, всё время думал на эту тему. Как-то само получалось. Ясно, что мне сказано лишь то, что можно было сказать, хотя даже этого хватило с лихвой для того, чтобы напрячься.

Выводом после моих не очень глубоких и стройных рассуждений стала необходимость пообщаться с Костиком. Наверняка он может, сам того не желая, многое добавить к уже мне известному. На ближайшей неделе собираюсь его посетить, хотя и уверен, что меня ждёт новый непростой разговор.

- Здравствуй, Максим! – улыбается Костик, крепко пожимая мне руку.
 - Здорово. Слушай, называй меня Максом, как меня другие называют, – сразу предлагаю я.
 - Нет... Другие – это другие. Мне больше нравится называть тебя Максимом. Ты не будешь против?
 - Не буду. Просто мне казалось, что раз Макс короче, то и произносится проще.
 - Я не уверен, что всегда нужно поступать так, как проще. Вот это да... Началось уже с порога.
 - Ладно, как знаешь. Кофе напоишь?
 - Конечно! Ты же после работы ко мне пришёл, может, поесть хочешь?
 - Что, пельмени?
 - Нет... – его улыбка становится смущённой. – Я куру-гриль купил. Сейчас в микроволновке подогрею. Пошли!
- Видно, что он очень рад моему приходу. Идём на кухню, я сажусь на табуретку, а хозяин начинает суетиться.
- Ну, чего у тебя новенького? – спрашиваю его.

– А чего у меня может быть новенького? Вот – ты в гости пришёл...

Понятно...

– Слушай, твоя мать говорила, что ты в медицинском учишься без особого интереса. Это действительно так?

– Знаешь, Максим... – Костик оборачивается и молча смотрит на меня, явно подбирая слова. – Извини меня, пожалуйста, но давай договоримся: не надо помогать моей матери воздействовать на меня с позиций её взглядов. У нас с ней свои отношения. А насчёт вас обоих... Меня мало волнует, что там будет дальше с вашими взаимоотношениями. Твой нынешний статус я уже однажды выяснил.

Хорошая отповедь... А ведь я спросил просто из любопытства.

– Тебе это неприятно?

– Главное, чтобы тебе это было приятно, – отрезает он и сухо замечает: – Судя по всему, она от тебя в восторге. Когда мы встречаемся, твоё имя у неё с языка не сходит. Максик сказал то, Максик сделал сё... Предполагаю, если ей в конце концов надоест её Вадим с его вечными отлучками ко второй семье в Москву, то, может, мне придётся называть тебя папой...

При этом на лице Костика появляется насмешливое выражение.

– Кость, извини... – говорю я примирительно, – я ведь не хотел тебя задеть. Мне правда интересно, чем ты занимаешься.

– Тогда ты меня тоже извини, – поспешно соглашается он. – Видно, я привык постоянно принимать оборонительную стойку. Мне приятно, что тебе интересно, чем я занимаюсь.

– А про вторую семью Вадима ты точно знаешь?

– Абсолютно точно. Даже знаю, что там у него дочка, которую зовут Александра.

– Откуда?

– Не поверишь... Год с лишним назад он сам мне это сказал.

– Зачем?

– Видно, хреновое настроение у него было. Он только что вернулся из Москвы... Матери дома не было, да и в городе не было – отдыхала в Ницце. Поставил бутылку коньяка, предложил составить ему компанию. Короче, у нас был разговор... Понимаешь, Вадим рядом с ней тоже остро чувствует свою неполноценность. Это ведь она его сделала тем, кто он сейчас. И не особенно это скрывает. По крайней мере, в личных взаимоотношениях. Вадим знает своё место... при ней. Тогда, во время этого разговора, он посоветовал мне постараться быть от неё на расстоянии.

– Твоя мать говорила, что у вас с Вадимом затяжной конфликт.

– Это неправда. Спорим, конечно... Но, особенно после того разговора, мы с ним ведём себя как союзники. Это ведь во многом он убедил её купить мне отдельную квартиру. Я тогда ещё надеялся, что с той... Ну ты понимаешь... Очень надеялся! Был рад этой квартире... наобещал мамаше всякого... Отказался от многого... А всё то, о чём я тебе рассказывал, произошло именно здесь...

Вздыхает, а я сижу и молча слушаю. Бедняга. С его отношением к высоким чувствам...

– Мать очень жёсткий и властный человек, чётко знающий, чего хочет в этой жизни, – продолжает Костя, – хотя и мягко стелет. У неё на будущее всё разложено по полочкам: этот будет там, тот будет там-то... Она всех расставляет по местам и подавляет! Вот и для меня определила то место, которое считает правильным.

– Для меня, кажется, тоже... – задумчиво говорю я.

– Это без вариантов! Ты попал!

Да... Как это совпадает с тем, о чём мне говорил Георгий! А раз есть совпадение информации из разных источников, то, значит, это всё так и есть. Волей-неволей начинаю по-другому смотреть на Нику. Даже возникает чувство некоторого опасения. Надо будет тщательно проанализировать все полученные сведения и понять, как правильно себя вести.

– Думаешь, поздняк метаться? – усмехаюсь я, продолжая прокручивать в голове оба разговора. – Да, Костя... Что-то застрашал ты меня. Не ожидал, что твоя мамаша окажется таким человеком.

– Ну ты же сам выбирал женщину, чтобы с ней спать! – пожимает он плечами. – А она, я повторяю, от тебя в полном восторге. Так что не жди, что скоро отвянет. Тем более что ты теперь её сотрудник.

Да уж... Теперь я сотрудник на фирме Ники. Но сотрудник хорошо оплачиваемый!

А за что она мне платит? Как бухгалтер я пока ещё ноль, значит, получаю деньги за койку с хозяйкой. А в таком случае я действительно – мальчик по вызову и продаю ей не свои мозги, а своё тело. Забавно...

– Слушай, мы опять заболтались! – спохватывается Костик и суёт свою куру-гриль в микроволновку.

Интересно, предложит он что-то под куру?

Ставит тарелки... Нет! Рюмки не ставит. Молодец!

– Скажи, Костя, а кем ты хотел стать, когда заканчивал свою гимназию? – спрашиваю я, жуя несколько резиновое куриное мясо.

– Только не смейся! Я очень хотел бы быть музыкантом. Пианистом. Мечтал о Консерватории...

– А почему ты решил, что буду смеяться?

– Не знаю... Видно, привык к такой реакции на некоторые свои слова.

– Отвыкай – пригодится! А почему не пошёл в Консерваторию?

– Мне мать сказала, что если туда пойду, то содержать не будет и я сяду на собственную задницу.

– А почему она не позволила тебе поступать в Консерваторию?

– Не знаю, – он опять пожимает плечами. – Она не захотела этого со мной обсуждать. Нет – и всё! Без всякого обсуждения. Даже Вадим тогда удивился.

Скорее всего, я теперь знаю, почему она ему запретила. Может, пора начать совместно сопротивляться этому диктату?

– А ты давно музыкальную школу окончил?

– Полтора года прошло. Но я много и с удовольствием играю, когда один, – и улыбается. – Стараюсь не потерять квалификации. Вдруг пригодится? А почему ты спросил?

– Просто я подумал: может, есть смысл тебе схулиганить?

– Это как?

– По-тихому поступить, если сможешь. Тем более ты держишь себя в тонусе. Ведь если тебе не нравится медицина, то какой из тебя будет врач?

– Не получится... Мою учёбу мать проверяет.

– Только учёбу?

– Угу! По-моему, на всё другое она не обращает внимания. И это очень хорошо! Я могу в большей степени, чем прежде, когда мы жили вместе, быть самим собой.

Всё понятно! Находясь на отдалении от мамашы, он чувствует себя комфортнее, нежели рядом с ней, но, поскольку за всё надо платить, платит за это одиночеством, а порой и тайной пьянкой. Опять мне его становится жалко! Влип парень... Да ещё и эти его комплексы! Придётся его... спасать. Только надо ещё кое-что выяснить.

– Костя, ты меня извини, но хочу задать тебе не очень удобный вопрос.

– Спрашивай.

– Вот такая твоя жизнь тебя устраивает? Я имею в виду твоё фактическое затворничество. Из дома в университет, из университета домой... Я понимаю: твой мир и всё такое... Но друзей нет, в компаниях ты не бываешь. У тебя нет круга общения!

– Теперь мой круг общения – это ты, – и снова в его улыбке смущение.

- Узковат такой круг! Тебе ещё друзья нужны.
- У меня были... Я тебе рассказывал, – звучит сухо и отрывисто. – А тебе я почему-то верю. Я уже об этом говорил.
- Я тоже тебе говорил, что постараюсь оправдать твоё доверие. И всё-таки ответь на мой вопрос. Такая жизнь, как сейчас, тебя устраивает?
- Как тебе сказать... Я привык к ней. Да и другой я ещё не видел.
- А хочешь?
- Молча пожимает плечами.

* * *

В воскресенье дома валяюсь на своём диване и пытаюсь думать о своей нынешней жизни и о перспективах. Правда, лениво это мне! Постоянно в голове возникает мысль о том, что пока моя жизнь прекрасна, денег прибавилось, девки любят...

Муж Ники сейчас прочно засел в городе, поэтому мы с ней если встречаемся, то на работе, или вообще только созваниваемся. Таким образом, после занятий в автошколе у меня образовалось свободное время. Это так прекрасно! А насчёт любящих девок... Славненько посидели вчера в кафешке после наших занятий по Правилам движения с соседкой по парте. Для этой Ольги учёба на права – подарок родителей на её восемнадцатилетие. Она чем-то похожа на меня: живёт весело в меру своих возможностей ученицы парикмахерши и при наличии весьма состоятельных строгих родителей старается ни в чём себе не отказывать. В первую очередь в парнях. Девчонка совершенно отвязная. Складывается впечатление, что, закрывая за собой дверь своей квартиры, где она находится под жёстким контролем, сразу срывается с цепи. Ей до такой степени плевать на условности нашего бытия, что даже мне это удивительно. Так, накануне в кафе с улыбочкой заявила, что с удовольствием приняла бы моё предложение зайти в гости, но уже поздно, а предки следят за её нравственностью. Интересно, как это у них получается? А вообще – классная девчонка! В её обществе я чувствую себя совершенно свободно. Честно говоря, от Ники с её ласковой, но и требовательной опекой уже порой устаю, да и продолжаю слегка этого опасаться, а тут совсем всё по-другому.

Нет! Всё! Хватит сладких воспоминаний! Надо, ничем одновременно не занимаясь, ни на какие другие мысли не отвлекаясь, пораскинуть мозгами на предмет всей полученной мной за прошедшее время информации.

Так вот...

Если разобраться, то вроде пока ничего страшного не происходит. Отдающая мне себя с явным удовольствием очень хорошо сохранившаяся почти сорокалетняя женщина во многом изменила мою жизнь к лучшему. Дала мне хорошо оплачиваемую работу, с её подачи я осваиваю новое для себя дело, кроме этого, учусь в автошколе пока за её счёт, поскольку первую часть оплаты внесла она сама ещё при оформлении. Вот и подарки мне разные дарит... Как говорится, я – в шоколаде! Тогда что меня гнетёт? Чего я опасаюсь? Опять же – жизнь прекрасна!

А вообще забавно... Пожилые состоятельные мужики всячески ублажают своих молоденьких любовниц и тоже их одаривают. В случае со мной ситуация перевернулась, и именно это определяет мой фактический статус мальчика по вызову. Вернее, после того как я стал работать у неё в фирме, это уже не совсем так, но по сути я для неё всё равно специалист именно такого профиля, то есть она покупает моё тело, только более длинным и сложным способом. Эта нехитрая мысль мне в голову уже приходила, когда мы разговаривали с Костином. А такая покупка, как и любая другая, когда-нибудь ей надоест. Георгий ведь ей надоел, её муж – тоже, не говоря уже про её краткосрочных приятелей. А что будет тогда со мной? Тоже засунет меня куда-нибудь подальше с глаз долой? Честно говоря, после всего, что я узнал,

такая перспектива мне уже кажется вполне реальной. Что же делать? Надо как-то взять процесс под свой контроль.

Первое, что приходит в голову, – это всегда быть ей полезным. Второе – не раздражать хозяйку попусту, демонстрируя самостоятельность суждений. То есть у меня должна быть позиция: «Чего изволите?» Однако... А я ещё навешивал на большинство её сотрудников ярлыки халдеев! Сам такой! А что делать – жизнь такая, что надо прогибаться под сильного. Противно, но надо!

А если прогибаться, то это значит – быть зависимым, то есть не свободным. Вот когда я занимался сборкой мебели, то мог себе позволить быть независимым: выполнил заказ – и свободен! Денег, конечно, было намного меньше, но можно было самому определять свои поступки. Хочу – делаю то, хочу – это. Что же изменилось сейчас?

Сейчас я уже стал привыкать к обеспеченной жизни и строю планы на будущее исходя из своих сегодняшних увеличившихся возможностей. Если раньше меня устраивала старая одежда, в которой я бегал по квартирам, то теперь начал заботиться о своём гардеробе. Конечно, бутики пока не посещаю, но там, где покупаю повседневные шмотки, уже обращаю внимание на фирму-производителя. Думаю, как накопить на машину, а впоследствии, может, и на квартиру. Я меняюсь! Человек к хорошему привыкает быстро. И все эти изменения в моей жизни и во мне самом инициированы Никой и зависят от неё. То есть пока я её устраиваю, то на плаву, в то же самое время получается, что на плаву, пока зависим. Интересно...

А вот Костик... Да, он тоже зависим от своей матери. Она его содержит на совершенно определённых условиях, то есть заставляет играть по своим правилам. Парень от этого страдает и пока не может найти выхода из такого положения. На сегодняшний день он пока ещё никто. Возможно, этим и объясняются его странности.

А Георгий... Он тоже зависим, но в меньшей степени, поскольку находится дальше от хозяйки и может в пределах своего влияния принимать какие-то решения самостоятельно. Ему легче... А почему? Потому что он уже имеет что-то за душой. Какая-никакая профессия у него есть. Он – музыкант. Но кроме этого он может быть преподавателем музыки, да и за время работы директором пансионата наверняка приобрёл профессиональные навыки и в этом виде деятельности, а значит, в случае чего может рассчитывать в смысле устройства на работу на что-то подобное.

Так вот он, ответ! Он напрашивается из сравнения одного и второго моих знакомых. Чем больше ты умеешь и знаешь, тем ты более независим, поскольку всегда есть возможность применения твоих знаний и навыков в разных местах. Это значит, что если я хочу иметь на будущее под собственной задницей своеобразную подушку безопасности, то должен эту подушку создать себе сам. Чтобы не быть подобием нынешнего Костика, надо кем-то в этой жизни стать в смысле занятий, приносящих для неё средства. С моими нынешними запросами средств уже надо прилично, ведь повышенные возможности засасывают. А из этого следует, что я должен, как губка, впитывать различные знания по своей нынешней специальности. Ну и пусть бухгалтер! Думаю, что по-настоящему хороших специалистов в этой области не так уж много. Главное, чтобы к тому времени, когда Ника найдёт мне замену, я мог уже работать сам, то есть был бы грамотным и уважаемым специалистом.

Вроде с программой на ближайшее будущее всё ясно, только как её выполнять, эту программу? Исполнение любого плана всегда требует неких самоограничений во имя маячащей впереди цели. А вот с самоограничениями у меня всегда было плохо. Не люблю я себя ограничивать! Что это для меня – ограничить самого себя? Это значит – никаких вечеринок с друзьями и подругами, никаких романтических встреч, ну и прочие воздержания. Тоскливо... А что на карте? На карте... На карте – будущее! Самое забавное во всём этом то, что почти о том же мне когда-то говорил отец. Да и Людка, моя бывшая жена, так же меня прессовала.

Правда, тогда я это считал лабудой и не воспринимал. Приходится признать, что в этом они были правы. А может быть, и не только в этом? Вот как интересно жизнь поворачивается...

А сколько времени я уже не видел Людку и Танюшку? Ох... Много. Да и деньги им вместо меня отец с матерью подкидывают. Капитально мы тогда разосрались...

* * *

В понедельник, ещё во время занятий по Правилам дорожного движения, на одном из перерывов Ольга напрямую спросила, куда мы потом пойдём – в кафе или ко мне в гости. Не знаю, насколько похотливой была у меня улыбочка, когда я ответил, что, конечно, в гости. И сразу же поймал такой взгляд!

В моей комнате мы долго рассусоливать не стали, ведь наше стремление было взаимным. Ох... В общем, теперь в обнимку отдыхаем.

– Ты – классный любовник, Максик... – почему-то очень сосредоточенно произносит Ольга, и становится понятно, что это не всё, что она хочет сказать. – Только...

– Ты мной недовольна?

– Да нет... Как может быть недовольна юная женщина, для которой секс – смысл жизни, – смеётся она. – Только с тобой... Короче, я чувствую, либо ты лишь удовлетворяешь своё тело, либо у тебя есть кто-то ещё.

– Есть, конечно... – признаюсь я и рассказываю про Нику. Я делаю это спокойно, поскольку прекрасно понимаю, что на длительную перспективу мы друг другу не нужны. Да и сама Ольга во время предыдущей встречи так же спокойно поведала мне про своего парня, который её охаживает уже около года.

– Понятно... – вздыхает она. – Значит, ты являешься одной из разновидностей альфонсов.

– Я это называю – мальчик по вызову, – и усмехаюсь. – А с другой стороны, я к ней где-то даже привязался...

– Ага! Привязался он! Положением и деньгами, – фыркает подружка и ехидно добавляет: – Хотя это всё-таки лучше, чем когда тебе платят за каждую встречу.

– Ну, до такого я ещё не дошёл...

Однако то, что было сказано, меня слегка покорило.

– Максик, прости, но давай, мы сегодня больше не будем, – виновато просит Ольга, целует меня и встаёт. – Мне сегодня надо родокам пораньше показаться. Ведь дома я девочка-паинька. Домой не позже десяти...

Лёжа наблюдаю, как она одевается. Бельё у неё без претензий, но со вкусом... Цепочка с кулончиком, конечно, – бижутерия, но тоже говорит о хорошем вкусе. Перед койкой она её сняла. Бережёт... Но красивая, чёрт возьми, девка! Однако, похоже, что-то у нас с ней не слазилось. А что? Эх... Ну и ладно! Но надо и мне тоже влезать в свои шмотки.

– Эти классные штаны так замечательно смотрятся на твоей потрясающей попке! – оцениваю я, влезая в свои.

– В секунд-хенде говном не торгуют! – смеётся она и делает несколько виляющих движений задом.

Провожая Ольгу до метро, благо оно у меня совсем близко.

– Максик, ты не обижайся... Когда пригласишь меня в следующий раз, мы с тобой всё компенсируем, – и такая уже знакомая улыбочка.

– Я же не до конца устраиваю тебя как любовник, – усмехаюсь я.

– Это не совсем так... Сложно объяснить. Так ты не отреагировал. Пригласишь?

«Сложно объяснить»... Что я, совсем недалёкий? Ну да ладно!.. А называет она меня так же, как и Ника...

– Конечно, приглашу! Если...

– Максим! – раздаётся оклик за спиной.

Оборачиваюсь... Нас догоняет... Костик. Ну и встреча. Чего это он тут делает?

– Здорово! – протягиваю ему руку.

– Привет, – посмотрев на мою спутницу, он слегка тушуетя. – Здравствуйте...

Пожимает мою руку, продолжая смотреть на неё.

– Здравствуйте! – она несколько удивлённо смотрит на него и вдруг представляется. –

Меня зовут Оля...

– Костя...

Продолжает так же на неё смотреть... Он что, других девчонок, кроме той своей, ни разу не видел?

– Ты что это тут? – задаю я вопрос лишь для того, чтобы прервать это взаимное разглядывание.

– Да вот решил после университета погулять, чтобы дома одному не торчать. Мне же всё равно, с какого метро в свой Весёлый Посёлок добираться.

– Ой! А я в том же районе живу, – оживляется Ольга и поворачивается ко мне. – Вот видишь, у меня и провожатый нашёлся! Ну пока, Максик!

– Счастливо, Максим! – Костик протягивает руку. – Может, забежишь на выходных?

Теперь он смотрит на меня, и смотрит с ожиданием во взгляде.

– Конечно! Если хочешь, могу в воскресенье.

– Отлично! Ну тогда пока! Идёмте... Оля.

Теперь я вижу две удаляющиеся спины и отчётливо осознаю, что неожиданно оказался лишним рядом с этой вдруг возникшей парой. Забавно...

С Ольгой встречаемся вечером на занятиях в автошколе.

– Как ты вчера добралась? – интересуюсь я в первом же перерыве, поскольку меня просто сжигает любопытство.

– Отлично! – улыбается она. – Мы с твоим другом славненько пообщались.

– Это как?

– Ты знаешь, я не могла предположить, что ещё остались такие парни. Мы так интересно поболтали! И ещё... Мне в нём ужасно понравилось то, как он на меня смотрел!

– А как?

– Сложно объяснить... – повторяет она фразу, запомнившуюся мне по предыдущей встрече. – Понимаешь, Костя смотрел на меня, как на... просто девчонку, а не как на будущую... давалку.

Ещё бы он смотрел на неё, как на давалку! Тогда это был бы не Костик. А с другой стороны – она, наверно, сама не смотрела на него, как на предмет вожеления.

– А о чём говорили-то?

– Знаешь, когда Костя меня уже к моему дому провожал, говорили о том, какие некрасивые дома в спальных районах по сравнению с центром. Он ведь специально приезжает в центр, чтобы погулять и посмотреть. Архитектуру любит.

– И музыку тоже. Музыкальную школу закончил.

– Ох ты... – в глазах Ольги удивление. – Ой! Пошли, перемена заканчивается.

Занятия закончились, и мы выходим на улицу. Беру Ольгу за руку.

– Ну что, пойдём ко мне, продолжим?

– Ох, как ему невтерпёж! – смеётся она. – Конечно, пошли!

– Ты знаешь! – Ольга, улыбаясь, сама подходит ко мне в коридоре автошколы, пока наша учёба ещё не началась. – Вчера, когда я возвращалась от тебя, подхожу к дому, а Костя сидит у парадной на скамейке. Бедняга аж замёрз, пока меня ждал!

– Ну а ты? – спрашиваю с некоторым внутренним напряжением. Неужели она над ним посмеялась? Как бы мне этого не хотелось.

– Такой грустный, замёрзший... Ну я ему и говорю: извини, но домой я тебя пригласить не могу. А он... У меня совсем мозги съехали! Он мне говорит: я пришёл, только чтобы поздороваться. Ты представляешь? Он мне... руку поцеловал!

– Представляю...

– Не представляешь! Тут я совсем... В общем, предложила ему зайти в кафеху поблизости и кофе попить. Ну чтобы он хоть как-то согрелся. Так обрадовался! Мне даже стало немного стыдно за нас с тобой... Мы там час просидели. Так классно поговорили! Я, конечно, потом от предков огребла, но мне с ним было очень интересно, и мы договорились, что в субботу вместе пошляемся по городу.

Уф... А я-то боялся, что она что-нибудь ему ляпнет и он очередной раз обидится. Пронесло. Ну и пусть себе гуляют!

– Максик, ты не в обиде? – Ольга заглядывает мне в глаза. – У нас же с тобой всё только на уровне койки. Трахнулись и разбежались. А с Костей всё по-другому...

– Да не обиделся я, – с плохо скрываемой досадой говорю я, хотя только что получил ещё один словесный пинок. И опять это обращение – «Максик»! Действительно, если разобраться, то с кем из своих подружек я когда-нибудь о чём-то серьёзном говорил? Разве что с Никой... Правда, она мне уже вроде как даже и не подружка. А тогда кто?

Постоянно возвращаюсь в мыслях к нашим с Никой взаимоотношениям! Мы знакомы почти год, и в них за это время многое изменилось. От развлечений на уровне койки, как сказала Ольга, мы, но в большей степени всё-таки Ника, перешли к чему-то более серьёзному. Иногда мне кажется, что эта женщина испытывает ко мне... настоящее чувство. А я? Чем отвечаю я? Интрижками с разными подружками? И что такое настоящее чувство? Конечно же, это любовь, но... Сразу же вспоминаю наши разговоры с Костиком. Как он тогда говорил? А мои опасения?..

– Ты что-то замолчал и даже замкнулся... – прерывает ход моих мыслей Ольга.

– Да-да... Ладно, пошли. Урок начинается.

* * *

– Максик, я по тебе скучаю... – поворачиваясь ко мне, вдруг тихо и грустно говорит Ника во время нашего совместного посещения одного из её заведений.

Подозреваю, что вызвала она меня сюда только для того, чтобы увидеться.

– Мы же с тобой звонимся почти каждый день, – я неубедительно стараюсь сделать вид, что не понимаю намека.

– Ну, Ма-аксик... Ты же сам всё прекрасно понял, – она укоризненно качает головой и вздыхает. – А Вадим, похоже, прочно осел в городе.

– Ты хочешь, чтобы я что-нибудь предложил? Кроме пансионата, у меня нет других вариантов.

– Это хороший вариант, только уж больно явный, да и дальний. Конечно, Георгий – свой человек...

Понятно, какой он свой человек...

– Извини, но в гости в свою коммуналку я тебя пригласить не могу.

– Это понятно... Я уже вышла из состояния, когда всё равно, где и как... общаться.

– А я ещё не вошёл в состояние, когда могу снимать для наших встреч специальную квартиру, – и усмехаюсь.

Мы уже вышли на улицу и идём к Никиной машине.

– Максик... Дорогой... Я не упрекаю тебя, – Ника смотрит на меня каким-то странным взглядом. – Мне просто хочется чаще быть с тобой...

Мне даже становится не по себе от того, как это было сказано. Сразу же вспоминаю, как она попросила меня не быть с ней циником.

– Прости меня... – винюсь я совершенно искренне, но неожиданно возникшее желание что-то прояснить толкает на рискованный вопрос. – До сих пор не пойму, что ты во мне нашла кроме молодости?

– Садись в машину, – устало роняет она.

Устраиваюсь на правом сиденье. Ника не торопится повернуть ключ в зажигании.

– Понимаешь, бывает такое отношение к человеку, которое словами описать невозможно, – сейчас её взгляд на меня грустный и ласковый одновременно. – Сначала мне просто понравился молодой сильный парень. Теперь это совсем другое... Я многое понимаю. Разница в возрасте, разница во взглядах на жизнь... Но я прошу: принимай меня такой, какая я есть сейчас, потому что всё, что я говорю, – правда. Пойми, мне очень нравится, когда ты рядом со мной... Ладно, поехали. Завезу тебя в твою бухгалтерию.

При этом слово «бухгалтерия» прозвучало у неё с лёгкой досадой. Действительно влюбилась, что ли? Напрямую она мне такого ещё не говорила ни разу. Но то, что было сказано сейчас, ведь является почти признанием! И как же мне теперь вести себя с ней?

Поворачиваюсь и смотрю на Нику. Сосредоточенно, глядя только вперёд, ведёт машину. Провожу ладонью по её плечу... Грустно усмешается. И мне становится так её жалко! Конечно, я в этой жизни ещё далеко не всё понимаю, но то, что она одинока даже с мужем, даже будучи занята своим бизнесом, даже когда ездит со своими мимолётными любовниками в злые места, мне абсолютно понятно. А казалось бы – успешная женщина...

После занятий в автошколе думаю, как сказать Ольге, что свидания сегодня не будет. Главное – так, чтобы без обид. Просто хочется опять побыть одному. Но она меня опережает.

– Максик... Я, пожалуй, домой... Вдруг там опять Костя у парадной мёрзнет...

О как! Пусть я и не собирался этим вечером заниматься любовью, но заскребло. Ясно: Костик стал ей более интересен, чем я.

– Ну тогда пока!..

– До свидания, Максик! Ты не обижайся... Это сложно объяснить.

Опять эта фраза! Похоже, я действительно – тупой, если Ольге сложно мне что-то объяснить, да и Ника сегодня с трудом подбирала слова, чтобы описать своё отношение.

Дома валяюсь на диване. Телевизор включён на ТНТ, но сегодня свой любимый канал я не смотрю. Вернее, слежу взглядом за картинкой, но думаю о своём. Что-то последнее время я слишком много думать стал. Даже как-то непривычно. Раньше всё было как-то беззаботно...

Интересно, с какого же момента начался у меня этот период? А ведь момент-то можно определить совершенно точно – это наша встреча с Костиком. Зацепил он меня своей непохожестью на всех тех людей, с какими приходилось сталкиваться до сих пор, и зацепил настолько, что я сначала стал думать о нём и его взглядах, а потом о своих взглядах на жизнь и какое продолжение из этих взглядов следует. Гм... Костик... Даже такая отвязная девица, как Ольга, не просто его оценила, а заинтересовалась. Ей с ним хочется общаться! А со мной? Со мной... Тут всё понятно. Хотя, похоже, что между койкой со мной и общением с ним она выбрала именно общение с парнем, которого посчитала для себя интересным. Конечно, я не сильно переживаю, ведь не рассчитываю на длительные отношения с ней, но всё равно – это показатель. Даже Ника, которая сегодня намекала на серьёзные чувства, затрудняется мне их объяс-

нить, поскольку уверена, что я её не смогу понять. Короче, я – то ли глупый, то ли вообще тупой. А может быть, я действительно – просто «Максик», и этим определяется всё. Некий прибор для удовлетворения неких потребностей. И те женщины, которые мной для этого пользуются, относятся ко мне соответствующе.

Почему-то мысли переходят на Костика и его жизненную философию. На желание любви в его понимании этого слова, то есть не только плотской, а... Гм... А какой? Что я вообще знаю про любовь? Может, только сейчас начинаю осознавать, что во многом этот «ботаник», то есть Костик, наверняка прав! Не случайно он когда-то спросил, любил ли я кого-нибудь. М-да... На Людке женился из-за того, что она залетела и не хотела делать аборт... Появилась Танюшка... Помню, меня к ней сначала даже не подпускали ни жена, ни родители. А потом...

В общем, получается: раз не люблю я, то не любят и меня. Правда, Ника, кажется, относится ко мне всё-таки иначе. Как она сегодня сказала? Сначала ей понравился молодой и сильный парень, а теперь уже это совсем другое... А может, она, так же как и я, все свои почти сорок лет прожила без любви и только сейчас почувствовала в себе что-то такое? Может, все её попытки с разными мужчинами были просто краткосрочными увлечениями, такими же, как у меня? Тогда мы с ней «два сапога – пара»! Я, пожалуй, решусь поговорить с ней об этом.

* * *

В воскресенье на мой звонок в квартиру Костика дверь открывается сразу. Вообще-то это всегда происходит так, ведь он меня ждёт.

– Здорово! – протягиваю я руку.

– Здравствуй, Максим, – и тёплое рукопожатие. – Я очень рад, что ты пришёл.

То, что это правда, написано на его лице. Пытаюсь для себя решить задачу: обозначать мне, что я знаю о его вчерашней прогулке с Ольгой, или нет.

– Пойдём! – он приглашает меня в комнату. – Я бы хотел обсудить с тобой... одну вещь.

Напрягаюсь. Что-то мне подсказывает: будет неудобная тема.

Входим. Крышка пианино открыта – значит, только что играл...

– Садись, Максим, – хозяин указывает на кресло. – Я понимаю, что разговор может быть тебе неприятен, но выслушай меня, пожалуйста.

– Конечно! Что-нибудь случилось?

– Не знаю... – и сквозь меня смотрит в окно, а значит, что-то в себе преодолевает. –

Понимаешь...

– Костя, смело говори, как есть, – подталкиваю я, видя, что он мнётся.

– Максим, мы недолго знакомы, но я говорил, что доверяю тебе полностью... – и наконец решается: – Я про Олю хочу с тобой поговорить. У тебя с ней что-нибудь было?

Да... Сложное у меня положение. Доверие обязывает! Врать Костику я не хочу и не буду, но если скажу правду, то могу втолкнуть его в ту же ситуацию, что и с его бывшей подругой. А на Ольгу парень, похоже, запал. И ещё: если я скажу про нашу с ней койку, то не протечёт ли это Нике? А вообще вряд ли он станет закладывать меня мамаше.

Все эти мысли мгновенно пролетают в моей голове, и я принимаю решение.

– Кость... Врать не буду, было, – внимательно слежу за его реакцией, – но, обещаю, больше ничего такого не будет. Я очень хочу, чтобы ты мне верил.

Он так же внимательно смотрит на меня и молча кивает.

– Могу тебе ещё сказать, – продолжаю я, по-прежнему глядя на него, – после знакомства с тобой она не только практически сразу дала мне отставку, но и много о тебе говорила. Ты ей очень интересен, и вообще думаю, что просто понравился. Вот и всё, что я могу тебе сказать...

Я уже замолчал, а Костик всё продолжает смотреть на меня. Наконец на его лице появляется робкая и слегка виноватая улыбка.

– Получается, что я у тебя Олю... отбил?

– Не бери в голову. И не вздумай с ней об этом говорить! Наша страница уже перевёрнута, да и могла ли она реализоваться, пока я состою при твоей матери?

Опять задумывается.

– Спасибо тебе, Максим... Спасибо! Знаешь, мы с ней вчера так хорошо погуляли! Так хорошо поговорили!

Это говорится с тем же мечтательным выражением на лице, какое я однажды уже видел. Смотрю на него и про себя радуюсь. Мне вдруг становится ужасно приятно, что парень в счастье. Правда, нужно понять, сделал ли он выводы из своего прошлого фиаско, но так не хочется опускать его с высот романтики на грешную землю. Однако, поскольку Костику поделиться просто не с кем, из него, как говорится, просто прёт.

– Это, наверно, был лучший день в моей жизни. Когда она споткнулась, я подхватил её под руку. Она поблагодарила... Я потом ещё держал её под руку, и она не возражала... А когда мы около её парадной прощались, сказала, что ей всё очень понравилось и хотелось бы как-нибудь так погулять ещё. И мы договорились...

Ну и хорошо, что договорились. Может, у парня мозги встанут на место.

– Знаешь, что я тебе скажу? Хочешь – верь, хочешь – не верь, но я за тебя рад, – говорю я совершенно искренне.

– Правда?

– Правда. Могу даже тебе признаться: когда Ольга давала мне отставку, то намекнула, что со мной даже не о чем поговорить.

– А вот это – неправда! – с благородным пылом возражает Костик. – Мы же с тобой интересно говорим.

– Это не тот интерес. Понимаешь, в отличие от тебя, я человек мало эрудированный. То, что интересно тебе, мне всегда было скучно, – честно признаюсь я.

– А сейчас?

– Сейчас я думаю... О многом думаю. Даже самому удивительно.

– Максим, мне кажется, ты к себе несправедлив. А насчёт эрудиции – всё это можно поправить, если есть такое желание, – теперь он улыбается спокойно и даже понимающе.

– Видишь ли, Костя, об этом мне тоже надо подумать. Помнишь, мы с тобой говорили про зависимость от твоей матери всех её... друзей?

– Не только помню, но и тоже об этом думаю. Более того, я уверен, что, если можно так сказать, она черпает силы в продвижении своих мужчин. Ей это приятно – вытаскивать их снизу и толкать вверх. Когда же процесс завершается обретением этими мужчинами какого-то положения, она теряет к ним интерес. Наверно, думает, что воспитание и развитие являются её миссией. Нынешний «проект» – это ты.

– Вот и я о том же! Согласись, что зависимость от более сильного унижает. Порой она даже заставляет человека юлить, подстраиваться, то есть лизать и становиться, как я называю, халдеем. Всё это делается для того, чтобы остаться на плаву. Но чтобы плавать самому без спасательного жилета, надо этому научиться! Значит, каждый, кто хочет быть самостоятельным, должен в жизни быть кем-то значимым. То, что я сейчас говорю, касается нас обоих в равной степени. Надо быть специалистом, то есть что-то уметь делать очень хорошо. Я пока в своей жизни научился только работать с мебелью. Когда увольнялся, то даже не хотели отпускать. Я не случайно после всех наших разговоров стал много думать про житьё-бытьё. Я должен стать специалистом хотя бы для того, чтобы, когда твоя мать мной наиграется, иметь возможность самостоятельного выбора дальнейшей работы и жизни. Хотя... Если честно, то мне её даже порой жалко становится. Мне кажется, что у нас с ней в чём-то общие взгляды на человеческие отношения и поэтому и она, и я по сути одиноки, несмотря на всякие разные интрижки.

– Почему ты одинок? У тебя есть... я, – несколько смущённо заявляет Костик и внимательно смотрит на меня. – Раз я тебе небезразличен, то и ты мне тоже!

От такого признания у меня наступает некоторое оторопение. Как-то уж очень неожиданно...

– Спасибо... Почему-то не ожидал, – вырывается у меня признание.

– Не обижай меня, пожалуйста. Я способен на настоящую дружбу.

– Прости... Видимо, я чего-то недодумал. Поверь, я буду рад иметь такого друга, как ты.

– Это просто здорово!

– Я к чему это всё говорил... Ну в смысле развития эрудиции. Мне надо очень многому учиться в своей нынешней специальности. Кажется, пора завязывать с беззаботным образом жизни и начинать ограничивать себя в гулянках и всём прочем. Вот получу права, вечера освободятся, и думаю засесть за умные книги. А насчёт тебя... Я вот увидел сегодня открытое пианино, и мне в голову пришла одна мысль...

– Какая? – вскидывается Костик.

– Извини, пока не скажу. Должен её тоже обдумать.

– Хорошо, я потерплю! – с готовностью соглашается он.

* * *

По всей видимости, Ольга решила, что теперь у неё есть человек, с которым можно поделиться сокровенным. Правду говорят, что самые лучшие друзья – это бывшие любовники. Вот и сейчас, перед очередными занятиями по Правилам движения, отвела меня в сторону.

– Слушай, Максик... Я от Кости просто тащусь! Он меня довёл до того, что каждый раз, когда мы прощаемся у моей парадной, я беспокоюсь: пригласит ли он на следующую прогулку или там в кафеху. Каждый раз, когда мы встречаемся, обязательно мне руку поцелует. Вчера я была у него дома, и он мне играл на пианино. Я же в музыке вообще никак. Только на уровне попсы. А он мне, представляешь, играл Шопена! Нет, я, конечно, слышала, что есть такой композитор, но он такую клёвую музыку сыграл!.. Я аж прибалдела и стала просить, чтоб он сыграл ещё. Ты знаешь, он играл и играл, а я слушала. Потом оказалось, что больше часа прошло, а я даже не заметила!

Смотрю на восторженные Ольгины глаза и понимаю, что мне очень приятно всё это слышать. Я действительно радуюсь за Костика! Правда, очень беспокоит самое что ни есть низменное: когда у них дойдёт до койки, чтобы не было взаимного разочарования. Конечно, для Ольги, с её тягой к мужикам, его девственность будет неприятным сюрпризом. Что-то переживаю я на эту тему... Может, поговорить с ней? Нет! Ни в коем случае! Пусть всё идёт, как идёт.

– Мы тут с Костиком встречались... – начинаю я.

– Не называй его Костиком! – резко прерывает меня Ольга. – Мне это неприятно. Он – Костя.

Ничего себе! Как она его защищает...

– Так вот, мы тут виделись. Мне кажется, что ты ему очень нравишься.

– Правда? – буквально вспыхивает она. – А мне казалось, что он иногда на меня сердится и думает, что я совсем дура.

– Ещё раз говорю: ты ему нравишься, – и вдруг неожиданно сам для себя добавляю: – Только он очень стеснительный парень.

– Это же классно! Максик, ты не обижайся, но мне так надоели такие парни, как ты. Короче, нахальные. Прости... Я тебе говорила, что с Костей я чувствую себя человеком, а не... Ну ты понял. Я же с ним тоже другая, ведь от таких парней, как ты, одно спасенье – быть такой же. А Костя – это вообще... Ладно, пошли, урок начинается.

– Максик, видимо, тебе придётся прервать свою учёбу в автошколе, – сообщает Ника. Она приехала к нам с Аллой Ивановной в бухгалтерский офис и вызвала меня в коридор.

Удивлённо поднимая брови, при этом признаваясь себе, что спрашивать у хозяйки о причинах мне не хочется. Ей виднее! В конце концов, заработаю ещё немного и сам устроюсь на повторный курс. Жаль только, что я уже начал осваивать вождение, а если прерву процесс, могу утратить уже полученные навыки работы двумя ногами с педалями.

– А что случилось? – на всякий случай интересуюсь я.

– Поедешь в Москву в Академию экономики на специальные курсы по налоговому законодательству. Это тебе надо знать. Я говорила с Аллой Ивановной, и она сказала, что в этих вопросах ты ещё плаваешь.

Вот так... Я и тут под контролем. Конечно, так называемая моя помощница меня учит, но, оказывается, ещё и «стучит». Могла бы о пробелах в моих знаниях сказать мне лично, а не докладывать хозяйке.

– Ну что ж! Курсы так курсы. Когда еду?

– Послезавтра.

Однако неожиданно... Меня, как, впрочем, всегда, она спросить не удосужилась. Вдруг я обнаглел и у меня возникли собственные планы? Определённое неудовольствие, видимо, проявляется на моём лице, и Ника толкует его по-своему.

– Максик, ты не беспокойся, когда вернёшься, я снова впихну тебя в эту же школу, и ты права получишь.

– Да я и не волнуюсь... Естественно, дело – в первую очередь!

– Умение водить машину – это тоже дело, но не первостепенное, – строго говорит она и поясняет: – Поверь, я очень хочу, чтобы ты стал хорошим специалистом.

– А я что, возражаю?

Действительно, чего возражать, если всё пока складывается так, как мне и нужно. Но, видно, мою благодетельницу что-то тревожит.

– Максик... Нам с тобой надо всё-таки поговорить. Я сегодня за тобой заеду после работы, и мы поедём...

– Куда? – не понимаю я, зная, что некуда.

– Моя подружка с мужем уехали в Таиланд, а ключики-то – вот они! – она, улыбаясь, вертит перед моим носом связкой. – Короче, жди!

Глядя ей вслед, думаю, что, общаясь о свидании, она даже не поинтересовалась, свободен ли я сегодня вечером. Хозяйка! А я – мальчик по вызову. Вот вызов и состоялся... И чего ей интересоваться моей свободой? Конечно же, я однозначно несвободен! Вот скомандовала мне ждать. Ну что ж... Только, признаюсь себе честно: пусть она порой меня утомляет и своим нежеланием считаться с моими планами, и, наоборот, своим желанием сделать меня таким, каким хотела бы меня видеть, но привязался я к ней за всё прошедшее время. Мне, при всей критичности моих оценок её поступков, всё чаще становится по-человечески жалко эту крупную, но в чём-то беззащитную женщину. Странно, но что-то в последнее время я стал слишком много думать про своё отношение к ней.

И всё-таки при всём том, что я к Нике привык и порой чувствую в себе по отношению к ней тепло, такая бесцеремонность напрягает. Не хочу быть ничьей собственностью!

* * *

Конечно, квартира этой подруги – совсем не то, что квартира Ники, но кровать вполне подходящая.

– Максик... – моя пассия нежно меня целует. – Ты даже не представляешь, как я счастлива хоть немного побыть с тобой и почувствовать себя твоей женщиной...

– Всё равно я не понимаю, что ты во мне нашла.

– Я не знаю, как тебе это объяснить... Умом всё понимаю, но ничего с собой сделать не могу. Хочешь, я тебе признаюсь?

– Думаешь, надо? – с сомнением спрашиваю я.

Вместо ответа она только кивает и опять меня целует.

– Ты мне даже иногда снишься... И я боюсь, что ночью стану тебя звать. Ты наверняка догадываешься, что мужчин у меня было много, но так я не привязывалась ещё ни к кому. Увы, но это – правда. Не знаю, почему это так, но, возможно, потому, что ты никогда не принадлежал только мне. Я это чувствую! В общем, я, наверно, просто старая дура... – неожиданно подводит она итог и отворачивается.

Мне опять становится очень и очень её жалко. Сгребая её в охапку...

– Не плачь... Ты же сильная! Я тут, с тобой... – и слизываю солёные слёзы с её глаз. Ну вот... краску на ресницах размазал губами.

– Пойми! Моё горе как раз и заключается в том, что я сильная! – она шмыгает носом. – А знаешь, как хочется быть маленькой и слабой, чтобы прислониться к большому и сильному мужчине.

– Прислоняйся!.. – шепчу ей на ухо и неожиданно добавляю: – Думаю, это будет надёжно.

– Ты правду говоришь? – она уж слишком внимательно смотрит мне в глаза.

– Правду. Ещё раз говорю: прислоняйся! Иногда мне кажется, что не так уж важно то, что ты называешь положением. Может, главное то, что между людьми?

Эти сказанные только что слова выскакивают будто против моей воли, совершенно меня не спрашивая. Теперь Ника смотрит на меня удивлённо.

– Ну что ты на меня так смотришь? Не ожидала от меня таких слов?

Молча отрицательно мотает головой.

– Я тоже признаюсь: мне это в голову пришло только что. Поверь, я не хочу, чтобы ты была одинокой.

И снова её взгляд, только теперь он уже совсем грустный.

– Ну что опять ты на меня так смотришь? – я не выдерживаю затянувшейся паузы.

– А ты, оказывается, всё понимаешь... – с какой-то отрешённой интонацией в голосе произносит она и зарывается носом мне в грудь. – Вернее, ты всё правильно понял. Знаешь, за всё надо платить... И за то, что ты назвал положением, тоже. А платой является как раз то, что ты сказал. Понимаешь... За всеми моими шуточками и смешками, за всем тем, чем я тебя напрягаю, прячется обычная боязнь, что однажды ты найдёшь молодую и красивую... Влюбишься в неё и тебе сразу же станет наплевать на всё. Ты будешь готов всем пожертвовать, чтобы только быть рядом с ней: деньгами, комфортом, друзьями и... старыми любовницами. Ведь так?

Молчу и перевариваю. Чёрт возьми! Как это всё похоже на слова Костика!

– Молчишь... А что ты можешь ответить? Ведь всё будет именно так.

– Давай сейчас об этом не думать, – бормочу я.

– Нет, Макс... Это ты в своём возрасте можешь позволить себе такую роскошь, как не думать о скором будущем, а тридцативосьмилетней бабе надо думать об этом всегда.

То, что она назвала меня не «Максик», а «Макс», говорит мне о многом.

– Послушай, Ника... Я хочу, чтобы ты мне поверила, – заставляю её смотреть себе в глаза и решаю сказать ей то, о чём так долго думал. – За этот почти год я к тебе очень привязался, ты стала для меня очень многое значить в жизни. Я не говорю о деньгах, которые ты мне платишь неизвестно за что. Я много о тебе думаю, иногда про себя обижаюсь, даже ругаю, а обижаются на тех людей, кто безразличен. Верно я говорю?

– А я тебе небезразлична?

Ох, сколько надежды в этом вопросе! И даже взгляд изменился.

– Да. Я тебе говорю это честно. Прости, я не знаю – любовь ли это, но я правда к тебе привязался. Ещё раз говорю: дело не в деньгах. Если хочешь, могу снова пойти мебель собирать. Возьмут! Отпускали-то с трудом. Просто ты мне нужна. Нужна как... человек.

– Макс... – она опять начинает меня ласково целовать, едва касаясь губами. – А за что ты на меня обижаешься?

– За что? – и думаю, как подсластить пилюлю. – Вот скажи, ты часто меня спрашиваешь о моих планах, желаниях? Ты даешь команды, что я должен сделать. Я понимаю – на работе. Там ты хозяйка и тебе виднее, а в обычной жизни? Ника, ты, пожалуйста, не обижайся, но я – человек самостоятельный, и мне трудно быть твоей вещью. А ты ведь именно так ведёшь себя со мной...

– Согласна, – вздыхает она. – Я не обиделась. Что делать – прёт из меня это командирство. Привыкла за столько лет. Наверно, придётся отвыкать... Я не хочу, чтобы ты на меня обижался. Уж лучше обругай, я стерплю, только будь со мной рядом. Ладно?

– Я же тебе сказал: прислоняйся! Я твёрдо решил начать серьёзно развиваться. И в эту Москву я поеду только для того, чтобы получить те знания, которых у меня сегодня нет. Поверь, я стану специалистом!

– А мне и туда тебя страшно отправлять, – и снова тяжкий вздох. – Ты смазливый, классный молодой мужик, и с твоей внешностью и фактурой... найдёшь себе там какую-нибудь... И будешь мотаться туда всё время, чтобы якобы учиться, как мой Вадим.

– Прости, а может, это потому, что ты и его так же затоптала?

– Знаешь, я тоже об этом подумала. Всё в своей жизни мы делаем только своими руками. И я не исключение... Поцелуй меня... Я так люблю, когда ты меня целуешь!..

Часть 2

Утраченные иллюзии

Всё-таки не зря мои предки заставили меня пойти учиться на экономиста! Вот уже неделю я весьма прилежно впитываю сведения по налоговому законодательству и другие сопутствующие знания. Признаюсь честно – сначала, первые два дня, приходилось себя заставлять, но потом пришёл интерес. Не помню кто, но мне говорили, что интерес к каждому делу возникает по мере его освоения. То есть чем более ты им овладеваешь, тем интереснее тебе становится осваивать его дальше. Похоже, это действительно так!

На этих весьма дорогих курсах вместе со мной учатся не только бухгалтеры. Тут есть и бизнесмены, имеющие свои фирмы в разных городах страны, и руководители государственных предприятий, но есть и такие же, как я, бухгалтеры, работающие на кого-то. В перерывах мы запросто общаемся, рассказывая друг другу о том, кто есть каждый из нас и чем занимается. Я в этой компании оказался самым молодым, а со своей внешностью очень часто ловлю весьма заинтересованные взгляды даже взрослых тёток. Ох, права была Ника в своих опасениях! Она из Питера звонит часто. Днём, когда я на занятиях, мой телефон отключён. Это жёсткое требование организаторов. Выходя после лекций на улицу на пути к метро, я его тут же включаю, и почти сразу раздаётся её звонок. После откровенного разговора во время нашей последней встречи её тон в общении со мной совсем изменился. Исчезла прежняя показная игривость, а взамен пришла трогательная заботливость любящей женщины. Я это очень остро чувствую. Ника всегда спрашивает меня, не устаю ли я, удобно ли мне там, где меня разместили и про прочую бытовую ерунду. Причём я чувствую, что это вовсе не дежурные вопросы, а её это действительно волнует. Именно это меня трогает!

Что касается моего размещения, то всем можно успокоиться, и в первую очередь мне самому. Это в смысле даримых откровенных взглядов моих соучениц. Нас разместили в двухместных номерах небольшой гостиницы, которая больше напоминает общежитие. Наверно, когда-то она принадлежала какому-нибудь промышленному гиганту, а теперь в меру обеспечиваемого ею для постояльцев комфорта зарабатывает на жизнь самостоятельно. Меня это вполне устраивает: главное, что в «удобства» бегать в конец коридора не надо – всё есть в номере. Слушатели наших курсов размещены компактно на одном этаже. Странно, но попав в одну группу, солидные люди разных занятий будто молодеют, чувствуют себя чуть ли не студентами и порой отрываются по полной. Видимо, в отдалении от своих повседневных забот и семей, они ощутили себя глотнувшими воздуха свободы, и поэтому то в одной, то в другой комнате вечерами возникают весёлые застолья с обильными возлияниями, а наутро в аудитории их участники со слегка помятыми лицами поглядывают друг на друга с понимающими улыбочками.

Мой сосед Владимир – фактуристый весёлый мужик лет сорока, приехавший аж из Томска. Мне он сразу же представился как Влад и сказал, что владеет фирмой по строительству коттеджей. В номере я его почти не вижу: то у него в Москве какие-то родственники, то он сидит у кого-то из наших в гостях и приходит в слегка подогретом состоянии иногда за полночь, а иногда даже под утро. Поэтому вечерами, стараясь быть паинькой и осуществлять свою программу самовоспитания, я могу спокойно сидеть за своим ноутбуком, который решил по мере обучения набивать полезной информацией. То есть относительно того, чего может хотеть молодой привлекательный мужик, привыкший к вниманию противоположного пола, стараюсь вести себя прилично. Да и как тут не вести себя так после того откровенного разговора с Никой.

После занятий порой развлекаю себя тем, что прогуливаюсь по улицам центра столицы. Интересно сравнивать два города, давно и жёстко соперничающие друг с другом!

Честно говоря, до известия об увлечении Костика архитектурой я не очень обращал внимания на облик окружающих строений, меня всегда интересовала только их функциональность, а тут стал посматривать и делать для себя неожиданные открытия. Видимо, врождённая интеллигентность, впитанная от родителей, всё-таки даёт себя знать. Здесь тоже совсем неожиданно у меня появился интерес. Так, наш город святого Петра из Москвы показался мне уютным, тёплым, спокойным, а огромная, разухабистая, вечно куда-то спешащая Москва – холодной и неприветливой. А что касается строений... Здесь огромное современное здание зачастую соседствует с маленькой древней церквушкой или таким же маленьким двухэтажным домиком тоже старой постройки, и это мне кажется каким-то негармоничным, режет глаз жителя Петербурга, привыкшего к равновеликим строгим классическим формам не только на проспектах, но даже и в переулках. Короче, сам себе удивляюсь, даже однажды позвонил отсюда Костику, чтобы рассказать про свои наблюдения. Бедняга так обалдел от моего звонка! Похоже, если бы на него вдруг упал отремонтированный когда-то мной шкаф, он меньше бы удивился. Было очень приятно услышать в трубке его искреннюю радость. Протрендели аж полчаса!

Сегодня, как всегда после занятий, решил побродить около Кремля. Красная площадь меня особо не впечатлила. Наверно, как человек, проживший всю жизнь в Петербурге, я действительно привык к нашей питерской архитектуре, и здания со стрельчатыми окнами под русский стиль трепета у меня не вызвали. Странно, но снова возвращаюсь к мыслям об архитектуре – предмете, который у меня никогда интереса не вызывал. Я понимаю, что это всё русское или квазирусское, а у нас большинство зданий построено людьми, приглашёнными из Европы, но для меня своё и родное именно то, а не это! Именно такие дома вокруг я видел с детства. Фамилии архитекторов часто звучали из уст моих родителей, но я не стремился их запомнить. Мне это было неинтересно.

Посетить ГУМ мне не захотелось, и я шагаю к Мавзолею. Когда-то сюда на поклонение вождю стояли огромные очереди. Люди, заставшие те времена, мне рассказывали. Правда, и теперь тоже народ к нему приходит... Насмотревшись на закрытые двери, рядом с которыми прежде стояли часовые, я поворачиваю направо и иду вдоль красной кремлёвской стены. С неба сыплется, наверно, последний снег этой зимы, и я уже давно заметил, что именно такая погода располагает к разного рода размышлениям. Сам не понял, как оказался в садике с известной всем могилой неизвестного солдата. Кажется, этот садик называется Александровский. Я никогда не любил всяких помпезных сооружений, но этот мемориал просто заставляет меня подойти и некоторое время около него постоять.

Что я знаю о той войне? О войне самой страшной из всех, что переживала страна, паспорт гражданина которой я ношу в кармане. Только то, о чём мне говорили в школе, и то, что все видели в разных фильмах о ней. А ещё? Я вот знаю, что мой дед воевал на Ленинградском фронте, куда попал совсем ещё мальчишкой. В сорок третьем ему было только пятнадцать, моя прабабушка, его мама, к тому времени уже умерла. Его, тоже умирающего от голода на ленинградской улице, подобрал какой-то военный и привез в расположение своей части практически у самой линии фронта. Там, конечно, подкормили, и командир уступил просьбам парня – оставил... Дед мне сам про всё это рассказывал и показывал медали «За оборону Ленинграда» и даже «За отвагу»! Помню, я тогда удивился, что по-настоящему боевой медалью наградили практически пацана. Правда, этот пацан в сорок четвёртом во время снятия блокады получил ранение, а значит, реально пролил кровь за свою страну. Про военное прошлое своих других родственников я, к сожалению, не знаю.

И вот тут лежит какой-то парень, который защищал свою страну, свою семью. Он защищал свою семью... А если настанет час, когда всё это, не дай бог, повторится? Кого буду защищать я? То, что буду, – это без сомнения и не обсуждается. Свою страну, Родину – это понятно, но понятие Родины для каждого из нас складывается из многих понятий, в том числе из понятия семьи. А у меня есть семья? С женой развёлся, дочка сейчас меня скорее всего и не при-

знает, с родителями поскандалил, да так, что месяцами не то что не встречаемся, даже по телефону не разговариваем...

Вообще, что такое семья? Где-то я слышал: говорят, что наша страна – семья народов. Это значит, что мы живём вместе, как бы в одном большом общем доме. Тогда получается, что те люди, с которыми мы живём, и являются нашей семьёй. Если бы я, даже не расписавшись, жил с Никой, то она всё равно была бы моей семьёй. Это ведь так просто! М-да... К интересным выводам приходишь порой...

А нужна ли такому мужику, как я, семья? Например, мне сейчас. Я молод, как говорят, смазлив, опять-таки девки любят. Свистни только... Правда, вот Ольга предпочла мне Костика. Это своеобразный звоночек! Забавно... Вот я и начал отдавать себе отчёт в том, что не всё достигается в койке. Семья – это что-то постоянное, а меня постоянство всегда напрягало. Ну не люблю я есть одно и то же блюдо каждый день! Моя душа требует разнообразного меню. Конечно, не душа требует – тело... Когда-то это должно кончиться. С возрастом, наверно... Вот, кажется, у Ники это уже кончилось, и она в меня влюбилась. Нашла в кого влюбляться – в пацана!

Так всё-таки, если придётся, за кого же я пойду сражаться? Кто нуждается в моей мужской защите? Оказывается – только Ника?.. Беззащитная при всей своей крутости женщина, которая только на пороге своего сорокалетия пришла к своим неутешительным выводам. Она очень хочет мне верить, пытается мне верить! Кстати, её сын тоже мне верит. Уф... Доверие, однако, обяывает... Что ж, защищать так защищать! Значит, и этого ботаника Костика я тоже буду защищать. Ну, блин, и семейство!.. А может быть, это теперь уже моё семейство? И всё-таки нужна ли такому мужику, как я, семья?

Уже просто брожу по Александровскому садику. В своих мыслях даже не заметил, как отошёл от мемориала. Надо где-то цветы купить, вернуться и положить. Я должен это сделать, если уж оказался тут.

* * *

– Макс, ты что-то всё время откальываешься от коллектива, – заявляет как-то вечером Влад. – А между тем тобой многие интересуются!..

– Кто это мной интересуется? – недовольно бурчу я, не отрываясь от экрана ноутбука.

– Ой, не строй из себя ничего не понимающего мальчика! – смеётся он. – Женщины тобой интересуются! Особенно Ксюша. Как соберёмся, так все разговоры про тебя. Мол, сосед у меня – молодой красавчик, и такой нелюдимый, всё один в номере сидит. Всё требуют, чтобы я тебя привёл.

– Куда?

– В нашу компанию! Это же так здорово! Сначала посидели, выпили и поболтали, ну а потом... В этой богадельне свободный номер всегда находится! Ты думаешь, все сюда учиться приехали? Ага! Знаешь, когда дома уже всё обрыдло, как хочется встряхнуться? Вот и оттягиваемся! А тётки наши действительно по тебе сохнут. Да и не только наши. Вон, Альбина, которая нам лекции читает, так просто глаз с тебя не сводит! Замечал небось?

– Трудно не заметить...

– Так – вперёд! Никогда не поверю, что такие мужики, как ты, сторонятся женской ласки. Может, у тебя в твоём Питере есть зазноба, которой ты не хочешь изменять?

Отрываюсь от экрана ноутбука и смотрю на него. Ответить, что есть, и он отвяжется? Не похоже. И всё-таки...

– А если есть?

– Ну и что, что есть? Это же в Питере! У нас у всех дома кто-то остался и ждёт. Жёны, местные любовницы... Но это – там! Это как раз и есть то, от чего многие хотели бы отдох-

нуть. Сменить, так сказать, обстановку и обновить впечатления. И это вовсе не измена, если ты, конечно, боишься изменить своей зазнобе. Измена всегда – в башке! Измена – это когда ты ради каких-то своих интересов жертвуешь интересами близких тебе людей. А то, что у нас здесь, – всего лишь некая развлекуха на дистанции от пьянки до койки. А когда домой вернёмся, будем, как всегда, примерными людьми. Вот так!

Интересная философия... Вроде ни к чему не придерёшься.

– Мне таких развлекух и в Питере хватает. Отдыхаю я тут от них! – это я пытаюсь отшутиться.

– Ладно, как знаешь... – и он выходит из номера.

Пытаюсь читать, но мысли уже совсем другие. А ведь, чёрт возьми, реально сижу в этой Москве уже вторую неделю и вяну за науками, а весёлая жизнь проходит мимо. Что я, не смогу прочесть все те материалы, которые нам тут дают, дома? Ведь главное их получить, а учиться можно и потом.

Ох... Ладно... Нет, Влад просто как змей-искуситель какой-то. Но ведь действительно – вся моя жизнь протекает в Питере, а тут – гастролы, а значит, всё шито-крыто! Вернусь и буду примерным мальчиком. Так, может быть, всё-таки гульнуть?

А вообще, чего это я размечтался? Всё! Ложусь спать и выкидываю глупости из головы.

Просыпаюсь ночью от шорохов. Это Влад пришёл.

– Извини, я тебя разбудил... – бормочет он, увидев, что я открыл глаза, и вдруг ухмыляется. – А я так славненько оттянулся! Ну спи, спи... Так всё и проспипишь!

Вот чёртов искуситель!

Утром, бреясь над раковиной в санузле номера, рассматриваю себя в зеркале. Что ж... Действительно, смазливая, масляная рожа. От её вида тащатся девки. Своеобразный мой отличительный признак. А если сделать лицо серьёзным? Гм... Всё почти то же самое. В общем – красавчик!

Но если природа дала мне такую внешность, то её надо использовать. Иначе для чего же она, милая, старалась? Вон, некоторые даже пластику на лице делают, чтобы быть посимпатичнее! А если уж сама природа... Против неё не попрёшь! Кстати, моё стремление к женской ласке – это ведь тоже природа! Тогда чего же я воюю с природой? Выходит, прав Влад! Ведь всё время пребывания в Москве я старательно игнорирую бросаемые на меня заинтересованные взгляды. А одна из наших преподавательниц, читая нам лекции, действительно будто всё время обращается только ко мне. Просто глаз не сводит! Сама-то личиком – не бог весть кто, да и по возрасту, наверно, ненамного моложе Ники. Правда, фигурка у неё, а если ещё и очки снять...

Сижу на занятиях. Всё как обычно, у моих соучеников после вчерашнего вечера лица слегка помятые. Опять переглядываются... Ну, значит, славно провели время. Лекторша Альбина Сергеевна снова читает лекцию будто только мне. Старательно делаю пометки в блокноте. В принципе мне всё пока понятно, да и что может быть непонятного в изложении своеобразных правил игры. Но всё-таки этот постоянный взгляд на меня! Даже любопытно! Задам-ка я ей после лекции вопрос и посмотрю на реакцию.

Сказано – сделано, а вернее, подумано – сделано. Альбина Сергеевна с явным удовольствием растолковывает мне то, что я якобы не понял. Мы сидим в преподавательской комнате, в которую я был приглашён после всех занятий.

– Вам понятно, Максим? – она смотрит мне в глаза.

– Сейчас понятно. Спасибо вам! – с энтузиазмом соглашаюсь я, уже думая о продолжении и одаривая её улыбкой.

– Я рада. Если у вас будут ещё вопросы, с удовольствием на них отвечу.

Подаю ей на плащ и получаю слегка удивлённый, но благодарный взгляд.

– Приятно, когда за тобой ухаживает молодой петербургский джентльмен... – тихо проносит Альбина Сергеевна. Звучит обнадеживающе, а поэтому взбадривает!

– Вы позволите в качестве благодарности за консультацию пригласить вас где-нибудь немного посидеть?

– Ой... – она явно опешила от моего предложения и поэтому немного краснеет. Не спеша выходим на улицу.

Кажется, я нарвался на экземпляр, который в народе называют «синим чулком». Однако если учесть, что она кандидат экономических наук, то можно предположить, что личной жизни у неё было не так уж и много. Наука, как и искусство, требует жертв.

– Давайте зайдём в какое-нибудь кафе, кофе выпьем... – повторяю я предложение.

Наблюдая за её лицом, с удивлением вижу, как меняется его выражение.

– Спасибо за приглашение, Максим... Но, наверное, не стоит.

Это говорится спокойно, с тёплой улыбкой. Напряжённо пытаюсь понять, что в этой улыбке. Точно! Сожаление... Это как же?

– Видите ли, Максим... – Альбина Сергеевна явно подбирает слова, – думаю, вы неправильно истолковали мой взгляд на лекциях. Понимаете, лектору всегда проще рассказывать кому-то, и, как правило, он выбирает в аудитории себе такую персону в качестве слушателя. У вас весьма привлекательная внешность, вы сами это, конечно, знаете, и мой взгляд всё время просто цепляется за вас. Это правда. Вот и всё! Не обижайтесь!

Ну и отповедь! Стою истуканом. Ай да «синий чулок»! Круто...

– Простите... – мямлю в смущении. – Я думал... просто...

– Ничего, – прерывает она меня. – До свидания! До завтра.

Смотрю ей в спину. Не было у меня ещё таких обломов. Кажется, жизнь начинает воспитывать...

Озадаченно бреду по улице. Почему-то вспоминается Ольга. Та ведь тоже меня отодвинула... при всех моих плюсах.

А какие у меня плюсы? Смазливая масляная рожа? Я всегда считал это плюсом. Ещё утром, когда рассматривал себя в зеркале, даже целую теорию выстроил. Где-то я слышал, что всё должно быть в равновесии... Однако если это так, то глубоко уважаемая природа, потрудившись над моими физическими кондициями, похоже, отдохнула на всём остальном. В таком случае я – смазливый недоумок. Ведь даже Ольга, сопливая, восемнадцатилетняя девчонка, предпочла мне ничем внешне не выдающегося Костика за его... Гм... А что есть у Костика такого привлекательного? Музыка, книги... Мысли всякие... Вообще интересные у него мысли! Короче, у него есть то, что называют содержанием. А у меня? А я скорее всего, как это называют, – «ни с чем пирожок»! Но, правда, красивый...

После своеобразного фиаско, наболтавшись по Москве и устав от невесёлых мыслей, вваливаюсь в свой гостиничный номер.

– О! Макс пришёл! – встречает меня возглас Влада.

Ох... В нашем номере сегодня гости! Пир с выпивкой в полном разгаре. На моей кровати и кровати Влада сидят наши соученики и соученицы. Все уже весёлые.

– Мальчики и девочки, ну-ка подвиньтесь, дайте место хозяину! – командует сосед. – Налейте ему чего-нибудь. Макс, тебе покрепче?

Настроение у меня по понятным причинам поганое, значит, можно и выпить.

– Давай покрепче... – соглашаюсь я и сажусь на освобождённый краешек своего же лежбища.

– Ксюша, налей ему водочки! – продолжает распоряжаться Влад, ухмыляясь. – Да и вообще поухаживай за мальчиком. Он ведь у нас стеснительный!

Беру в руку разовую рюмку с водкой и такую же разовую тарелку...

Хорошо подействовала на меня водка. После первой же рюмки пошла расслабуха, все тревожные мысли улетучились, стало весело. Сидящая рядом и примерно выполняющая наказ ухаживать Ксения приехала из Кемерово. Тоже бухгалтер, но в строительной фирме. Этакая разбитная бабёнка, которой где-то хорошо за тридцать.

– Ну теперь – за нас, за сибиряков! – провозглашает она и наливает мне снова. – Макс, правда, мы весёлые люди?

– Да и мы, питерцы, тоже не грустим! – поддерживаю я её, уже поглядывая на сверкающее рядом из-под коротенькой юбки колено, на котором лежит рука с обручальным кольцом. Жизнь, кажется, не так уж и плоха!

Полупьяные разговоры в нашей компании в основном крутятся вокруг деликатных тем с рассказыванием соответствующих анекдотов, а порой даже и личных впечатлений. Как человеку, выпившему меньше остальных и совсем не стремящемуся догонять собутыльников, мне видно, что публика явно пошла в отрыв. А действительно, чего уж тут! Случайно тут встретились и спокойно потом разведемся по своим домам, оставив за спиной все происшедшие с нами события.

– Коллега, – подчёркнуто высокопарно обращается ко мне Ксения, вставая, – не можете ли вы мне принести кое-что из моего номера...

Всё понятно... Настал мой час! Объяснять мне ничего не надо. Это будет компенсацией моего сегодняшнего провала с Альбиной.

Притворив за собой дверь своего номера, хозяйка поворачивается ко мне.

– Я не хочу сейчас туда возвращаться, – прижимаясь, дышит она мне в лицо. – А ты?

– Я тоже...

– Тогда закроем дверь на ключ. Люськи сегодня не будет...

В свой номер я попадаю только под утро.

* * *

Во время занятий ловлю Ксюхин взгляд. Ещё до первой нашей совместной ночёвки это бывало каждый день, а теперь вообще постоянно. Даже порой неудобно становится от её взглядов: как на собственность поглядывает. Понятно! Дело сделано. Красивенький мальчик упал в руки. А поглядывает, наверно, потому, что опасается, что кто-то ещё из наших дамочек покуется на этого красивенького мальчика. Темпераментная женщина!.. Чего смотреть, когда ещё вчера решено, что после занятий будет пылкое свидание? Вообще-то я доволен. Всегда отдавал себе отчёт в том, что секс мне нужен постоянно, и теперь здесь, в Москве, эта слегка пухленькая женщина просто способствует удовлетворению моих мужских потребностей. Что я к ней испытываю? Да, собственно, ничего!.. Так... Просто, как говорится, приятно поваляться. Уверен, что и у неё, как у замужней женщины, наши утхи останутся просто приятным воспоминанием.

Спокойно иду по улице от метро к гостинице и мурлыкаю с Никой по телефону. Не хватало ещё, чтобы она позвонила во время нашей встречи с Ксюхой, которая уже помчалась вперед, чтобы подготовить нам гнездышко. Надо ловить миг удачи, пока её соседка отсутствует.

Шторы задёрнуты. В номере полумрак...

– Ох, Макс... И как я теперь дома буду без всего этого жить?

Ксюха путешествует губами по моей груди... плечам...

– У тебя муж есть, – усмехаюсь я, при этом откровенно блаженствуя от её прикосновений.

– Всё равно любовников никто не отменял, – тихонько смеётся она и вдруг заявляет: – А насчёт мужа... Толку с него, если он теперь даже ребёнка мне сделать не может.

– Чего это так? – непроизвольно вырывается у меня. – Больной он, что ли?

– Угу... Инвалид. На машине разбился. Теперь вместо машины в инвалидной коляске ездит.

– Давно?

– Год с лишним уже... Так что ты у меня пока единственный мужчина...

– Почему пока?

– Ну не могу же я всю свою жизнь на инвалида положить! – и это звучит так убеждённо! – Пока разведусь, пока, может, опять замуж выйду... Я хочу нормальной жизни и ребёнка!

– А что такое для тебя нормальная жизнь? – спрашиваю я и понимаю, что о чём-то подобном говорили мы с Костилом.

– Повторяю, не хочу быть привязанной к той же инвалидной коляске, что и пока мой благоверный! Свободы хочу!

– Но ведь ребёнок – это тоже несвобода! – вырывается у меня.

– Ребёнок – это совсем другое. Это моя инвестиция в моё будущее. Ну чтобы кто-то мог в старости стакан воды поднести.

Даже не знаю, как реагировать на такую исповедь. Несчастный мужик её муж... А эта... Вот и верь им после такого! Только что-то у меня возникли некоторые подозрения. Мы же с Ксюхой не всегда предохранялись... Не слопушил ли я?

– Ой, ну ладно, хватит философии! – решает она. – Скоро Люська заявится. Давай вставать.

Не дают мне покоя Ксюхины откровения! Не знаю, сколько она прожила со своим мужем, но ведь, когда у них всё начиналось, наверняка, как всегда, были какие-то обещания, может, даже клятвы... Если ко всему этому пристегнуть философию Влада, то с её стороны это и есть подлинная измена, потому что в этой кукольной головке всё уже спланировано.

А чем же является, с точки зрения философии Влада, моя интрижка по отношению к Нике? Особенно после нашего с ней разговора перед моей поездкой в Москву, когда она фактически мне призналась, что любит. Правда, у меня всегда параллельно с ней были другие женщины, но тогда я думал, что с её стороны отношения такие же лёгкие. И вот это признание... В течение последних двух недель, с началом связи с Ксюхой, я стал меньше думать про Нику. Ещё бы! У меня сейчас тут есть слегка пухленькая любовница, с которой я удовлетворяю свои постоянные потребности. Пусть это и, судя по её откровениям, подленькая бабёнка, но для таких целей вполне... С ней понятно: потрахались, разъехались и забыли. Если, конечно, она меня не использовала как бычка-производителя. Что-то тревожно...

Вообще какие-то непривычные и неудобные мысли в последнее время стали ворочаться в моей голове. М-да... Может, это во мне начинает просыпаться... совесть?

Вспоминаю, как Ника тогда назвала себя старой дурой и отвернулась... Жалею я её! Где-то слышал, что в старину, когда говорили «жалею», это означало «люблю»... Может, действительно люблю? Опять возвращаюсь к Костилову вопросу, знаю ли я, что такое любовь. А что это такое – любовь? Сам-то Костик это знает? Тот его неудачный опыт был ли любовью? Как он сказал про секс? Что-то вроде: койка должна быть продолжением большой любви... Кажется, так. Кто бы мне объяснил, как объединить то, что в голове, в сердце, ну и там... ниже. Люди, живущие вместе десятилетиями, уже далеки от жарких страстей, но по-прежнему не могут друг без друга. Это значит, что их связывает что-то другое. Привычка? Может, и привычка... А у моих родителей тоже привычка? Глядя, как они относятся друг к другу, я бы так не сказал... Живут вместе уже почти тридцать лет, а я иногда случайно обращал внимание, какие взгляды они дарят друг другу. Позавидовать можно! Хотел бы я когда-нибудь поймать такой взгляд в пятьдесят с лишним... Ну это уже в пятьдесят! А мне пока нет и тридцати, и я наслаждаюсь своей молодостью и всеми её преимуществами в виде силы, привлекательной внешности, весёлого нрава... Ведь, если разобраться, молодость даётся человеку для того, чтобы он

вкусил всё. И победы, и разочарования, и любовь... Именно из этого складывается жизненный опыт! Хотя в основном жизненный опыт проистекает не из побед, а из разочарований. Именно они нас учат. Это я понял, когда Ольга сравнила меня с Костиком. Да и тот облом с Альбиной... А победы только баюкают.

Вот и меня, как видно, победы на любовном фронте убаюкали.

Как же всё-таки хорошо, что наши курсы послезавтра заканчиваются! Надо скорее домой – и к Нике!

* * *

«Сапсан» подплывает к платформе Московского вокзала. Выхожу из вагона и прямо с перрона звоню Нике. Пока ехал, о многом думал, и мне действительно... стало стыдно за свои московские похождения.

– Привет... Я приехал.

– Ох... Ну слава богу! Здравствуй, Макс! – облегчённо выдыхает она в трубку.

– Скажи, когда мы с тобой увидимся?

– Ты правда этого хочешь?

– Да! Я этого хочу, – делаю паузу и повторяю: – Очень хочу!

Я не вру. Мне очень хочется прижать к себе эту хрупкую невысокую женщину так, чтобы почувствовать её тело своим.

– Как скажешь, милый! – с незнакомой мне покорностью говорит Ника. – Если хочешь, могу приехать к тебе домой.

Ох, ничего себе! Это уже что-то совсем новое. Ника – и ко мне в коммуналку!..

– Если это для тебя возможно, я был бы рад.

И это опять правда! Повторяю: я чувствую свою вину перед ней.

– Говори, куда ехать. Как подъеду, сразу позвоню, и ты меня встретишь.

Издали увидев знакомый Land cruiser, ускоряю шаги. Из-за многочисленных уже припаркованных машин и размеров её собственной Нике, видимо, пришлось долго искать подходящее место.

– Привет! – здороваюсь я и ловлю её взгляд.

Господи, сколько же там нежности! Как она на меня смотрит! И молчит...

Импulsивно обнимаю её.

– Прости... – и смущённо отстраняюсь. – Я соскучился. Честно!

– Правда? – радостно взлетают её ресницы.

В ответ снова обнимаю и снова обострённо чувствую стыд за свои московские приключения.

– Пойдём? – я беру её под руку. – Не испугает тебя моя квартира?

– Обновлю воспоминания тридцатилетней давности, – улыбается она. – В детстве я ведь тоже жила с родителями в коммуналке.

В комнате начинаем отчаянно целоваться.

– Макс, ты удивишься, но я приехала к тебе ночевать, – шёпотом сообщает Ника, и я снова ловлю её взгляд. Теперь там напряжение.

– Я очень, очень рад, но ты меня действительно удивила, – и, наверно неуместно, задаю ехидный вопрос. – Ты что, у Вадима отпросилась?

Она странно усмехается, садится на мой диван и произносит с некоторой грустью:

– Готова тебе всё объяснить. Весь этот месяц мне тебя ужасно не хватало, я буквально считала дни до твоего возвращения. И тут ты сам позвонил... А насчёт Вадима – он знает, что я уехала в область по делам фирмы.

Сажусь рядом и прижимаю Нику за плечи. От этого, похоже, снова её глаза оказываются на мокром месте.

– Макс, я люблю тебя... – шепчут губы мне в самое ухо. – Да, я – старая дура, влюбившаяся в мальчика, но если этот мальчик захочет, то буду с ним столько, сколько он будет этого хотеть.

– Послушай, вспомни, что я сказал тебе перед отъездом в Москву. Я не знаю, как называется то, что я чувствую к тебе, но я не хочу с тобой расставаться. Ты стала мне очень дорога. Может, этот смазливый мальчик пока и не знает, что такое любовь, но он без тебя уже не может. Честно! Ты уже часть меня. Я хочу быть с тобой! Только не командуй мной, пожалуйста.

Сам себя ловлю на неожиданной искренности сказанных слов. Ника сейчас совсем другая даже по сравнению с тем разговором. Будто в ней что-то сломалось.

– Макс... – выдохнув, она проводит рукой по моим волосам. – Спасибо, что ты позвал меня сразу после поезда.

– Я так спешил, что даже ничего не купил в холодильник.

– Ой, значит, ты голодный! Давай выскочим в какое-нибудь кафе?

– Только платить буду я, – и, ухмыляясь, добавляю: – Командировочные у меня ещё остались.

Ника притягивает меня за шею, и я слышу её шёпот:

– Наконец-то за меня заплатит мужчина... Ведь даже когда я бывала в разных заведениях с Вадимом, всегда платила сама.

Хочется ей сказать, что то, в чём она только что призналась, является одним из кирпичиков её разочарований, но удерживаю себя.

... Устраиваемся спать на моём диване.

– Только сейчас я в полной мере поняла значение слов: с милым и в шалаше рай, – тихо смеётся Ника, обнимая меня. – Знаешь, а я счастлива! Поцелуй меня, пожалуйста...

Утром мы вставать не торопимся. Во-первых, очень поздно заснули, а во-вторых, надо переждать очередь в ванную.

– Ну что, при утреннем свете я ужасно выгляжу с размазанным макияжем? – робко спрашивает Ника.

– Не говори глупостей...

В ответ целую её долгим поцелуем и ехидно заявляю:

– Вот из-за тебя я сегодня опоздаю, и хозяйка фирмы меня за это выгонит с работы.

– Хозяйка фирмы готова выгнать тебя на весь сегодняшний день, чтобы ты отдохнул. Согласен?

– С одним условием: если отдыхать мы будем вместе.

– Ты этого хочешь?

Молча киваю. Я действительно хочу провести этот день с ней. Уверен, что ей это будет приятно.

– Тогда я отложу свои сегодняшние дела, – с готовностью соглашается Ника и предлагает: – Съездим куда-нибудь... – и вдруг, наивно испугавшись, что опять начала командовать, виновато спрашивает: – Может, ты хочешь... как-то по-другому?

Притягиваю её за шею и шепчу на ухо:

– Сначала по-другому, а потом обязательно съездим...

* * *

Ника оставалась у меня две ночи, потому что после первой мы целый день провели вместе, и из Выборга, куда решили всё-таки отправиться погулять, вернулись так поздно, что я предложил ей уже домой не ездить.

Я не переставал удивляться: со мной всё это время была совершенно другая, прежде незнакомая мне женщина. Мягкая и уступчивая... Как её поведение отличалось от того, которое демонстрировалось ею тогда, в пансионате! Отвечая на эти изменения, принимая их, я совершенно искренне был готов и сам вывернуться наизнанку, чтобы она чувствовала себя комфортно в своём новом состоянии. Мне хотелось быть с ней ласковым и предупредительным, и я очень старался быть именно таким. Чего греха таить, ведь раньше, с ней прежней, я был таким же нагловатым ловеласом, как и с другими своими женщинами. Как-то сама собой в голову пришла мысль, что если Ника ради своего чувства нашла в себе силы изменить своё поведение со мной, то просто необходимо то же самое сделать и мне. И необходимо это, потому что я хочу, чтобы она такой была всегда. Я этого очень хочу! Может, начал узнавать, что такое любовь?

Когда уже совсем перед сном я прижал Нику к себе и признался, что провёл самый счастливый день в своей жизни, то в свете ночника увидел на её глазах слёзы. На мой вопрос, почему плачет, она ответила, что тоже в первый раз испытала и поняла, что такое взаимное счастье.

Короче, голова у меня просто едет. Получается, что я... влюбился. Конечно, влюбился, если уже начал чудить! Сегодня на работе, выйдя в коридор, я позвонил Нике и сказал, что скупаю. И это было правдой!

Договорился с Костиком о своём визите. Хочу пообщаться. Ну вот возникла такая потребность... Хотя мы и не обсуждали с ним его отношения с Ольгой, но уверен, что они есть, уже хотя бы потому, что, когда я предложил встретиться, он не сразу назвал день и время. Наверно, соотносил нашу встречу со своими встречами с ней.

– Привет, Максим! – Костик, улыбаясь, пожимает мне руку и пропускает в квартиру. – Я очень рад, что ты наконец появился. А когда позвонил из Москвы, то у меня наступил просто шок.

– Тогда поговорить с тобой захотелось, – признаюсь я. – Там порой бродил по центру и сравнивал два города, вот и решил это обсудить.

– Поверь, я был очень рад, что тебе захотелось обсудить со мной то, что мне самому интересно. Проходи! Сейчас кофе сварю.

На кухне хозяин ставит на стол чашки и сахарницу, а я сразу сажусь на знакомый табурет и уже ощущаю некоторый дискомфорт, предвкушая предстоящий разговор.

– Слушай, Максим, можно попросить тебя об одной услуге? – наливая кофе, спрашивает Костик.

– Конечно! Что ты хотел?

– Понимаешь, дверь на лоджию перестала закрываться. Что-то случилось с защёлкой. От каждого порыва ветра распаивается... Может, посмотришь?

– Давай прямо сейчас?

– Ага! Пошли!

В знакомой комнате обращаю внимание на прикрытую пледом тахту. В изголовье лежат две подушки. Оч-чень интересно...

Прохожу к выходу на лоджию и отдёргиваю шторы. Вот и дверь. Ну – ясно! Защёлку заело, надо вынимать.

– Отвёртка есть?

– Сейчас!

Костик уходит в прихожую за инструментом, а я непроизвольно окидываю взглядом комнату. На маленькой тумбочке, стоящей около тахты, в свете, появившемся после отдёргивания штор, поблёскивает знакомый мне кулончик. Ясно... Значит, Ольга его здесь забыла. Ну что ж! Рад я за них!

– Вот! Такая подойдёт?

– Угу...

Только сейчас обращаю внимание на то, как он изменился. Раньше я порой видел его небритым и лохматым, а теперь всё в нём очень аккуратно и даже ухожено! Неужели это Ольга на него так повлияла? Когда мы говорили по телефону, я специально не спрашивал про их отношения, но теперь мне стало всё ясно и без вопросов.

Дверь я отремонтировал быстро, и теперь мы спокойно пьем слегка остывший кофе. Внимательно смотрю на Костика.

– Ты за прошедший месяц изменился. Не только внешне... – замечаю я как бы вскользь. – Это бросается в глаза.

– Оля меня подстригла... И ещё сказала, что хочет видеть аккуратным. Она тут часто бывает. Всегда просит, чтобы я ей поиграл. Просит либо Шопена, либо Моцарта. Я играю, а она садится на тахту в уголок и иногда даже... на глазах слёзы. Однажды попросила меня сесть рядом и стала говорить, что ей стыдно, какая она плохая, как у неё было с другими парнями, ну и про тебя тоже... Назвала себя давалкой...

– Ну а ты?

– Ох, Максим... Мне так её стало жалко! Я сказал, что мне наплевать на это всё, потому что она мне очень нравится. Тут она совсем расплакалась. В общем, после этого рассказа я честно ей сказал, что ничего такого у меня в жизни ещё не было. Не знал, как она отреагирует, но решил, чтобы всё было по-честному. Боялся очень, что посмеётся надо мной... А она... обняла меня и поцеловала. Это был наш первый поцелуй.

– Извини, мне показалось, что она теперь тут часто... задерживается.

– Да... – он несколько растерянно смотрит на меня и торопливо сообщает: – У нас уже всё... по-взрослому. Даже ночевали... несколько раз вместе. После первого раза у неё потом дома был скандал, и она жила тут четыре дня.

– Я за тебя рад, – и командую: – Доставай рюмки!

– Знаешь, однажды утром Оля сказала, что хочет всегда просыпаться рядом со мной... – смущённо произносит Костик, лезет за посудой, но оборачивается. – Максим, я её люблю! Мне без неё плохо. А с ней я чувствую себя... мужчиной! Так хочется, чтобы она видела во мне... свою опору, что ли... Она же слабая маленькая девчонка!

Виски разлит по рюмкам. Поднимаю свою и вдруг понимаю, что могу сказать традиционную в таких случаях пошлость. Хорошо, что это до меня дошло! Вовремя!

– Давай выпьем за вас с Ольгой – предлагаю я. – Очень хочу, чтобы у вас всё было здорово, так, как вы хотите.

Конечно, тоже сказано достаточно банально, но всё-таки не так, как я подумал сначала.

– Спасибо, Максим. Вообще мы...

В это время в прихожей раздаётся звонок.

– Я сейчас! – вскакивает Костик и идёт открывать.

Клацают замки...

– А вот и я! – слышу я радостный возглас Ольги. – Возьми, пожалуйста, сумку. Здесь мои шмотки.

– Ты... договорилась со своими родителями!

– Ага! Сказала, что я уже взрослая девочка! – и она смеётся. – Ты рад?

Явно слышны звуки поцелуев.

– Ко-остя... Какие у меня потом будут губы! – и опять смех.

– Пошли! Максим пришёл, – наконец докладывает Костик. – Он только что пожелал нам, чтобы у нас с тобой всё было хорошо.

– Максик, привет! – весело здоровается Ольга, заходя на кухню.

Мой слух неприятно режет это обращение из прошлого: «Максик», но я стараюсь не обращать на это внимание.

– Оля, не называй, пожалуйста, Максима Максиком. Это – мой друг.

Сделанное замечание удивляет меня спокойным тоном и скрытой жёсткостью. Спасибо... Вступился так же, как и тогда Ольга за него.

– Хорошо, любимый! Прости меня... Я больше не буду, – она спокойно обнимает Костика, ласково целует и поворачивается ко мне. – Макс, тоже прости. Как Костиному другу объясню тебе: мы решили жить вместе.

А мне он об этом совместном решении не сказал!.. Наверно, просто не успел, приход Ольги помешал. Понятно, что она сбежала от родителей ради своего парня. Но это же так здорово! Странно, но мне их отношения напоминают моё нынешнее общение с Никой. И мне... хочется такого же! Особенно после наших полутора суток, проведённых вместе.

* * *

Выхожу в коридор офиса и встречаю Георгия Николаевича. Он приехал в город по делам своего пансионата.

– Здравствуйте, Максим! – предварительно оглядевшись, очень тепло приветствует он меня.

Понимаю, что, если бы кто-то был свидетелем нашей встречи, он бы назвал меня по имени и отчеству.

– Здравствуйте, Георгий Николаевич! – и с удовольствием пожимаю протянутую руку. – Могу чем-нибудь помочь?

– Нет, спасибо. Я уже справился сам. Ну, как вы тут воюете? Слышал, что были в Белокаменной?

– Да, учился налоговому законодательству... Только... В общем, Георгий Николаевич, могли бы мы с вами где-нибудь посидеть и поговорить?

Просто, увидев прежнего педагога Костика, я сразу же вспомнил про свои мысли насчёт его ученика и музыки. Мне кажется, что настало время обсудить эту тему.

– Что-нибудь случилось? – осторожно спрашивает он.

– Нет, ничего не случилось. Я хотел поговорить с вами о Константине, – и, видя удивление, поясняю: – Я хорошо знаком с сыном Ники, можно даже сказать, что мы с ним подружились, и поэтому, кажется, понял, чем ему надо заниматься в этой жизни. Скажу честно, мне его будущее не безразлично.

– Гм... Рад, что я в вас не ошибся, – усмехается Георгий, снова оглядевшись. – Готов где-нибудь посидеть и поговорить.

... Уже час сидим в кафе через квартал от офиса. Я рассказал всё, что можно было рассказать про Костика, про его учёбу для получения нелюбимой профессии.

– Да... Ай да Ника... – вздыхает мой собеседник. – И тут парня согнула! Вы не представляете, Максим, как он играл уже тогда, в своей ранней юности. Поверьте профессионалу – это талант! Понимаете, технике перебирания клавиш можно научить практически любого и с любыми руками, а вот проникновению в... душу каждого произведения научить нельзя. Это тончайшее чувство. Для такого проникновения сам исполнитель должен иметь огромную душу. О таких людях говорят, что они поцелованы Богом. Константин из таких.

Он делает паузу, вздыхает и смотрит в пустую кофейную чашку.

– Ладно! – будто решается он. – Есть у меня один старый приятель... Правда, давно мы с ним не пересекались – жизнь как-то развела. Он преподаёт в Консерватории. Я попытаюсь его найти, встретиться и поговорить про Костю. Всяких обсуждений моего варианта пока устраивать не надо, дайте мне время на переговоры, а там всё будет ясно. Давайте обменяемся мобильными, чтобы я мог вам сразу же всё доложить.

Опять наступает пауза, в течение которой Георгий долго смотрит на меня.

– Спасибо вам, Максим, за Константина. Очень я рад, что у него появился такой друг в вашем лице. Костя очень... хрупкий, тонкий человек. Не хотелось бы, чтобы сломался и огрубел. Как друг, берегите его! Вы наверняка ему нужны, если готовы принять участие в его судьбе.

– Стараюсь... – и задумчиво несколько раз киваю. – Знаете, он мне нужен не меньше, чем я ему.

Естественно, Нике, даже при всех её нынешних изменениях, о разговоре с Георгием я говорить не стал. Не уверен, что она правильно поймёт моё участие в Костиковой судьбе. И ещё... Боюсь, что она обидится на меня за такое вмешательство во внутрисемейные дела. Я действительно боюсь её обиды и возможного последующего охлаждения. Я этого не хочу! Не хочу, потому что хочу быть с ней.

Мы общаемся почти каждый день. То она приезжает в наш бухгалтерский офис, то вместе заезжаем в какой-нибудь спа-салон для инспекции, а потом вместе обедаем. При этом платить за себя я мягко не позволяю.

Уехавший наконец на целую неделю в Москву Вадим дал нам с Никой возможность пожить это время вместе. Конечно, приходилось, как обычно, соблюдать правила конспирации, чтобы не давать лишней информации бдительным соседям. И опять я не мог не сравнивать то, как проходили наши встречи раньше, и то, какими они стали сейчас. На смену проявлениям бурной страсти пришли нежность и... бережность. Оказывается, просто сидеть, прижимая к себе женщину за плечо и зарываясь носом в её волосы, обалденное удовольствие.

Ника все эти дни сама готовила нам ужин, обязательно спрашивая, что бы я хотел поесть. Оказывается, они с мужем чаще ужинали не дома. Замечая, что она начинает суетиться на кухне, я всегда приходил к ней туда и с удовольствием помогал, чем могу. Первый раз в ответ на её попытки выгнать пришлось объяснить, что тем самым она лишает меня удовольствия делать с ней что-то вместе. Ответом снова стал взлёт её ресниц и долгие, долгие поцелуи... Жаль только, что через неделю, а вернее, через пять дней всё это счастье кончилось.

Исподволь наблюдаю за Никой в деловой обстановке. Тут изменений никаких не произошло. Всё как и всегда – жёсткость и всевластие хозяйки. Наверно, это так и должно быть, чтобы народ не расслаблялся. Отдаю ей должное – самодурства я у неё пока не замечал, но халдейство принимает благосклонно. Со мной на работе она ведёт себя очень сдержано, даже сухоовато.

Сегодня получил от хозяйки жёсткую, но справедливую выволочку. Был реальный «косяк» с моей стороны. Алла Ивановна предупреждала, но я настоял на своём и оказался неправ. Вот теперь думаю: а ведь после работы мы должны встретиться у меня дома и не продолжится ли там разбор полётов. Честно говоря, побаиваюсь... В моей коммуналке Ника снова стала бывать регулярно. Что делать, если Вадим в свою Москву опять не торопится!

Едва я закрываю за нами дверь своей комнаты, как она кладёт мне руки на плечи.

– Макс... Дорогой мой... Любимый мой... – на её глазах снова слёзы. – Прости меня... Я не хочу, чтобы ты на меня обижался, но это была только твоя ошибка!

Прижимаю её к себе.

– А кто сказал, что я на тебя обиделся? – шепчу ей на ухо. – Всё было по делу. Работа есть работа, а там – ты мой начальник и хозяйка. И ты была права...

– Ты правда не обиделся? – и шмыгает носом.

– На что же мне обижаться? Ну всё... Хватит плакать... Всё...

Долго её целую...

Когда потом я её провожаю до машины, перед тем как сесть за руль, она порывисто обнимает меня, и я слышу:

– А после работы мой хозяин – ты!

Ох-х... Тяжела же ты, шапка Мономаха! Это я вспомнил свои мысли в Москве, в Александровском саду о семье. Помнится, тогда я сам себе сказал, что и Ника, и Костик теперь станут моей семьёй, а значит, я должен их защищать.

Вот уж тоже защитник!

* * *

– Максим, здравствуйте! – голос Георгия в трубке звучит с интонациями Юрия Левитана, когда тот во время войны объявлял о взятии нашими войсками очередного города. Я слышал эти старые записи. – Готов сообщить вам хорошие новости. Завтра буду в городе и хочу с вами встретиться.

– Конечно, Георгий Николаевич! Как сможете подойти в то же заведение, готов к вам выскочить.

– Это правильно. В нашем деле секретность на сегодняшний день очень важна, – и смеётся.

Захожу в знакомое кафе и вижу уже ждущего меня за столиком Георгия. Даже кофе он мне заказал!

– Здравствуйте! Спасибо за кофе, – и пожимаю его руку.

– Не за что! Пейте, а я буду рассказывать.

Сажусь. Хорошо, что мой американо уже слегка остыл. Не люблю горячего.

– Нашёл я своего старого приятеля, а вернее, однокашника. Рад этому во всех смыслах и вам тоже благодарен за это. Ведь если бы вы не рассказали мне про Константина, вряд ли бы я стал искать Мишку. А так вот нашёл, и мы с ним встретились. Ну сначала поделились каждый своим... Естественно – не виделись почти десять лет. Конечно, затронули тему доходов. Оказалось, что я на своём месте зарабатываю даже больше, чем он, преподавая в Консерватории, и если бы не частные уроки, то было бы совсем тяжело. Знаете, мне что-то так обидно стало! Получается, что труд людей, воспитывающих будущее нашей духовности, стоит меньше, чем труд человека, по сути являющегося смотрителем дома свиданий... Печально всё это! Ну да ладно! Короче, рассказал я ему про Константина – и по своим ощущениям от занятий с ним, и то, что сейчас он старается как-то сохранять форму. Миша заинтересовался. Я всегда любил и уважал в нём своеобразное подвижничество... Может, если бы не оно, то он тоже нашёл бы себе более хлебное место, а вот всё-таки пытается воспитывать молодёжь...

Георгий вздыхает и на какое-то время задумывается. Я молчу, понимая, что, возможно, сейчас он заглянул в себя.

– Так вот... – он продолжает. – Миша предложил, чтобы Костя вместе со мной как-нибудь подъехал к нему, чтобы его можно было прослушать. Ну а потом уже принимать какие-то решения о дальнейших шагах. Что вы на это скажете?

– А вы не хотите сначала сами встретиться с Костей и его послушать? – осторожно спрашиваю я. – Он живёт отдельно от матери. Правда, не один живёт, с девочкой...

– Гражданским браком?

– Да. По-моему, она в него влюбилась, в том числе и из-за музыки. Всё время просит, чтобы он ей играл Шопена и Моцарта.

– Ух ты! – видно, что мой собеседник с удовольствием воспринял моё сообщение. – Ну, если это будет возможно, я бы с удовольствием встретился с Константином и послушал бы его тоже.

– Отлично! Теперь я смогу всё ему рассказать, и мы наметим время встречи. Он ведь, наверно, захочет подготовиться, чтобы не ударить в грязь лицом.

– Ой... Максим! Я не говорил вам, но этот человек всегда играл по... наличию вдохновения. Ещё тогда мне даже казалось, что ему надо готовиться только чисто технически.

Остальное к нему приходит... сверху. Вы посмотрите на его глаза, когда он сидит за роялем! Ну или за пианино... Он весь – там! – и палец Георгия указывает вверх.

Стыдно, но я ещё ни разу не присутствовал при игре Костика. Сказать мне нечего, и я только киваю.

Этим же вечером, прогуливая занятия в автошколе, куда я вернулся для завершения курса, звоню в дверь Костиковой квартиры. Я в этот раз не предупредил, и дверь мне открывает Ольга.

– Привет! Костя дома?

– Он будет через полчаса. Звонил, что заходит в метро.

– Отлично! Тогда у нас есть время.

– Ты что... – у неё расширяются глаза, и она отступает на шаг. – Макс, у меня есть мужчина, которого я люблю. Уходи! Я не собираюсь с тобой...

– Тьфу! Дура! – раздражённо прерываю её, понимая, о чём она подумала. – Поговорить я с тобой хочу, пока Кости нет. Идём, сделай мне кофе, если не трудно.

Подозрительно оглядываясь на меня, она первой входит на кухню. Иду следом и сажусь без приглашения.

– Пока там шуршишь, слушай внимательно, – начинаю я. – Я знаком с Костиным бывшим преподавателем в музыкальной школе. Он говорит, что у него талант, который нельзя зарывать, а мамаша сунула сына в Медицинский. Вот скажи, зачем менять классного пианиста на плохого врача?

Насыпающая в кофеварку кофе Ольга поворачивается, и я вижу её реально отвисшую челюсть.

– Так вот... Есть возможность показать Костю преподавателю Консерватории. Я уже это обсудил. Ну а там – как карта ляжет.

– Макс... – у неё явный столбняк.

– погоди! Я ещё не всё сказал. Я хочу знать: ты, как девчонка, которая его любит, готова ему помочь?

– А что надо делать?

– Уф... Что, что? Для начала убедить в том, что стоит взбунтоваться против мамашинго выбора своего будущего. Он же будет сомневаться, опасаться родительского гнева... – и улыбаюсь. – А у тебя уже есть опыт. Потом, наверно, надо будет создать ему условия, когда он начнёт всерьёз заниматься музыкой. Сможешь?

Она молчит, но видно, что о чём-то думает.

– От тебя многое зависит, – продолжаю я наступление. – Он тебя любит и верит тебе. Пойми, его надо поддержать.

– Макс... Ты прав... Прости, я, наверно, действительно дура... – вздыхает Ольга и повторяет: – Малолетка и дура... Понимаешь, до того как мы стали жить вместе, я многое представляла себе по-другому. Я люблю Костю и знаю, что он любит меня. Знаешь, как это прекрасно, когда тебя искренне любят! Хотя ты, прости меня, это вряд ли знаешь... Но это действительно прекрасно! Только и от меня это требует многого. Не только приготовить еду и кинуть шмотки в стиралку. Костя, он же такой...

– Витающий в облаках, – подсказываю я.

– За это я его и люблю, – очень серьёзно говорит она. – Ты и такие парни, как ты, твёрдо стоите на земле. У вас нет... полёта! А Костя летает! – при этом на её лице появляется такое же мечтательное выражение, как и у этого ботаника. – Знаешь, мне кажется, что после нашего знакомства я тоже стала немножко летать. Ты прав... Много теперь зависит от меня. Я буду стараться!

В передней клацают замки. Жаль... Не успели договорить. Хотя, кажется, главное уже прозвучало.

– Макс, ты прости меня. Когда ты пришёл, я подумала... Извини! – и Ольга бежит в прихожую. – Костя! Здравствуй!

Опять слышны звуки поцелуев...

– Костя, у нас Макс, и я его обидела, – слышу я тихое признание.

– Как это?

– Ну он пришёл, а я подумала, что... Ну ты понял... А он пришёл тебе рассказать...

В общем, он мне уже рассказал и теперь расскажет тебе!

Слушаю всю эту сказанную полущёпотом сбивчивую ахинею и думаю, что Костику просто повезло. Хотя, может быть, если бы он не сделал себя таким, какой есть, то Ольга скорее всего в него бы не влюбилась.

– Здравствуй, Максим! – появляется на кухне хозяин квартиры. – Ты что-то хотел мне рассказать? Оля всё ещё в прихожей выложила.

– Да. Привет тебе от Георгия Николаевича.

– Ой... Это... Это из музыкальной школы? – округляет он глаза. – Вы где встретились? Он же был таким классным учителем!

Приходится рассказывать всё с самого начала.

– Ну и как ты себе это всё представляешь? – несколько уныло спрашивает Костик, выслушав мой рассказ.

Мы втроём сидим около кухонного столика, и я обращаю внимание, как напряжённо смотрит на своего любимого Ольга. Теперь она смотрит на меня с явным вопросом во взгляде. Ясно. Надо объяснять!

– Послушай... Когда-то я говорил тебе, что у меня есть мысли про твои занятия музыкой, и мы договорились, что я тебе изложу их позже. Помнишь?

Кивает.

– Я уже тогда был знаком с Георгием, но искал возможность поговорить про тебя обстоятельно. Вот теперь все разговоры состоялись и есть какой-то результат. В чём ты сомневаешься?

– Пойми, я даже боюсь сказать матери о том, что мы с Олей живём вместе! Кто знает, как она отреагирует и какие будут её дальнейшие действия...

– Я только не понял: ты что, ей собираешься обо всём докладывать? – пускаю я в ход ехидство.

Вздыхает и смотрит в окно. Это он так сомневается.

– Костя... – Ольга берёт его за руку. – Надо попробовать... – и вдруг, улыбаясь, добавляет: – А я буду за тобой папку с нотами носить...

Может, потому, что любимая девчонка сказала своё слово, Костик, повернувшись к ней, обнимает её, прижимает к себе и целует, совсем не обращая внимания на моё присутствие.

– Ты хочешь, чтобы я попробовал? – тихо спрашивает он.

– Конечно! – она улыбается и несколько раз кивает.

– Слушай, я не пойму, что у тебя за сомнения? – не выдерживаю я. – И вообще... Надо сперва ввязаться в драку, а потом видно будет! Ты же всегда хотел!

– Понимаешь, Максим, с той поры прошло много времени, – Костик вздыхает. – Много изменилось. Меня ведь содержит мама. Если, рассердившись, она перестанет давать деньги, на что мы будем жить? Раньше я был один и мог рисковать, а теперь у меня есть Оля, и я должен думать о ней!

Господи, как же Ольга на него смотрит! С какой любовью!

– Костя, я найду работу и буду зарабатывать, – тихонько вставляет она своё слово.

– Вот видишь? – он снова вздыхает и тихо ворчит: – Не хватало ещё, чтобы я был у неё на содержании.

– Оля, а ты – парикмахер? – на всякий случай интересуюсь я, поскольку вспомнил её рассказы в автошколе и у меня уже возникла мысль пристроить её в Никину фирму.

– Угу... Училась, только потом там мест не оказалось...

– Может, удастся тебя к его матушке пристроить, – и киваю в сторону Костика. – Пойдешь?

– Ну конечно! А что будет, если она узнает... про нас?

– Тогда и будем думать, – и опять не выдерживаю. Достали меня эти теперь уже двое ботаников! – Короче! Приглашать Георгия Николаевича?

– Приглашать! – вдруг жёстко произносит Ольга. – Макс, кажется, я поняла, о чём ты говорил.

Она внимательно смотрит на меня, и мне становится ясно, что только сейчас до неё дошёл смысл всего сказанного мной до возвращения Костика домой.

* * *

Организовал визит Георгия к Костику, который явно был рад этой встрече и потом долго ему играл. Я первый раз слушал такую музыку. При этом обратил внимание на то, как слушал своего бывшего ученика бывший преподаватель. Мне показалось, что в восприятии этой музыки им и Ольгой было что-то похожее. Ольга, как и рассказывал Костик, забилась в угол тахты и поджала к подбородку колени. Я видел её остановившийся взгляд в никуда, а скорее – внутрь себя. Георгий сначала, как мне показалось, несколько придиричливо смотрел на легко бегающие по клавиатуре пальцы, а потом встал со стула и подошёл к окну. Так я и видел только его спину до самого конца этого действия. Что касается меня, то, может, я ещё не созрел до понимания такой музыки. Изысканные переливы звуков мне, конечно, нравились, но не могу сказать, чтобы я был ими поглощён хотя бы так, как Ольга. Приятно послушать, но не более того.

Потом Георгий, подойдя к Костику и обняв его за плечо, сказал, что он просто обязан идти в Консерваторию на прослушивание. В ответ тот только грустно кивал. Ну что мне делать с ним? Подруга-то куда смотрит?

Пока бывшие учитель и ученик общались, позвал её на кухню. Хотел выругать, но она сама сказала, что много обо всём этом говорила и что Костик реально боится остаться без средств. Стала просить меня поторопиться, если это возможно, с устройством её на работу. Я понял, что эти проблемы надо решать в связке, и на следующий же день озадачился.

Теперь, когда остаюсь один, анализирую свои отношения в моём нынешнем коллективе. Конечно же, он отличается от того, в котором я работал прежде. Сам офис малочисленный. Основной состав фирмы разбросан по разным заведениям, расположенным и в городе и, как пансионат Георгия, в области. Таких удалённых точек у Ники три. Люди у нас разные. Собственно, это естественно – не могут же все быть одинаковыми! Свой анализ я делаю для того, чтобы понять, к кому из заведующих салонами можно обратиться насчёт Ольги.

Не сомневаюсь, что отношения хозяйки и главного бухгалтера для сотрудников фирмы являются секретом Полишинеля. Об этом в первую очередь говорит поведение некоторых из них. Халдейство по отношению к Нике начинает распространяться и на меня. Порой чувствую, что мой зад этими некоторыми вылизан уже до блеска. Другие, такие же халдеи, относятся ко мне с точностью до наоборот. С их стороны я чувствую холод и даже скрытую враждебность. Может, это своеобразная конкуренция? Есть и третьи. Это люди, которые общаются со мной спокойно и ровно. Эта форма взаимоотношений мне знакома по прежней работе, где я ни с кем не был особенно близок, да и общался в основном по служебной необходимости. Жен-

ская часть служебного сообщества наверняка уже давно обсудила мою внешность, но особых знаков внимания я не замечаю, что лишний раз укрепляет меня в понимании общественного мнения обо мне и хозяйке. Что касается моего отношения к различным проявлениям моих нынешних сотрудников, стараюсь воспринимать всё разумно. Чего греха таить, подчёркнутая предупредительность греет самолюбие, однако умом понимаю, что это только из-за отношений с Никой. Стоит им измениться, как изменится и отношение ко мне, а значит, верить таким людям глупо. Те, кто злопахательствует за спиной, менее опасны. Тут всё на поверхности. Однако если наступят изменения в моём положении при Нике, жрать будут и те и эти.

Заведующая же одним из наших салонов, Нина Васильевна, солидная дама уже в годах, относится к третьим, то есть у нас с ней нормальные доброжелательные контакты. Каждый раз, когда у неё возникают какие-то трудности, которые я могу помочь разрешить, обязательно это делаю. Салон, которым она управляет, находится в арендуемой нами части спорткомплекса в одном из спальных районов города. Наблюдая за этой заведующей, я понял, что такое самодостаточность. Она действительно самодостаточный человек, в первую очередь потому, что является хорошим специалистом в своём деле. Имея хорошее медицинское образование, всегда подробно и даже дотошно консультирует клиентов. С Никой держится спокойно и с достоинством, порой даже позволяя себе мягко спорить с хозяйкой, аргументированно отстаивая своё мнение, и поэтому пользуется у неё уважением, хотя и держит всегда некоторую дистанцию. И надо сказать, эта дама добивается своего! Вот уж поистине – пример для подражания. Только для всего этого надо быть специалистом в своём деле, а я пока ещё и тут – пацан.

Может, обратиться к ней?

– Ну конечно, Максим Петрович! Пусть ваша знакомая приходит. Мы посмотрим, что она умеет, а если чего-то не умеет – научим. Главное, чтобы у неё был вкус. Ведь хорошо стричь людей – это тоже искусство! – заведующая салоном со спокойным энтузиазмом соглашается исполнить мою просьбу.

– Спасибо, Нина Васильевна! Ольга придёт к вам. Она хорошая девчонка.

Всей правды я, конечно же, говорить ей не стал.

В общем, Костикову пассиву пристроить удалось. Он буквально через два дня после её устройства позвонил мне и пригласил в гости. Когда я пришёл, то увидел на кухне накрытый стол, за который меня сразу же и усадили. Оказалось, что инициатором всего этого события стала Ольга. Как она выразилась, они с Костей должны «проставиться». Признаюсь, неплохо посидели. Мне всё хотелось продолжить разговор про прослушивание в Консерватории, но как-то не складывалось. Было понятно, что в данный момент эти два влюблённых голубка настолько погружены друг в друга, что на что-то или на кого-то ещё их просто уже не остаётся. Ладно... Надо взять паузу и вернуться к этому вопросу позже. Пусть Ольга хотя бы первую зарплату получит.

Вообще за последние две недели всё сложилось достаточно успешно. Даже слишком успешно! Однако именно эта успешность почему-то меня и тревожит. Когда-то в старой юмористической книжке я вычитал мысль о том, что если всё идёт слишком хорошо, то, значит, мы просто чего-то не заметили. Чего же тогда во всех этих событиях я не заметил?

* * *

Провели с Никой ещё один прекрасный день в Выборге. Нравится мне этот городок! Такой уютный, спокойный. Не знаю, как тут зимой, но в конце августа просто замечательно. Эти старые узкие улицы, мощённые камнем, которые просто пахнут веками! Сам того не ожидая, начал с ней об этом говорить. Оказалось, что не просто так мы сюда ездим. В детстве она жила здесь с родителями, пока те не поменяли свою выборгскую квартиру на комнату

в ленинградской коммуналке. Это было сделано для будущего поздней и потому очень любимой дочери, которая с самого детства мечтала стать врачом. Понятно теперь почему бедный Костик угодил в Медицинский! Вот ведь как жизнь порой поворачивается...

Между всеми делами наконец-то получил права. Мы с Никой даже это отметили, воспользовавшись очередной поездкой Вадима в Москву. Водить машину мне очень нравится, порой даже кажется, что я интуитивно чувствую, что надо делать в том или ином случае. Хорошо бы накопить на свою, пока не утратил навыков, полученных в школе.

Первую зарплату Ольга уже получила. Позвонила мне сама, похвасталась и сообщила, что они с Костей снова ждут меня на праздник.

– Ну а вообще как работается? – интересуюсь я, уже сидя за столом. – Всем довольна?

– Знаешь, Макс, вроде всё хорошо, меня опять учат, и я этому рада. Учусь пока делать мужские стрижки.

– погоди, ведь ты уже всё это однажды проходила, – не понимаю я.

– Ой! – отмахивается она. – Так, как меня учили раньше, это всё равно что никак. Абсолютно разный уровень.

– Короче, ты довольна?

– Ну конечно! Мне нравится, что и мной довольны. Я ведь очень стараюсь! Только есть одна проблемка... Вот Костя знает.

Костик, молча слушающий наш диалог, грустно кивает.

– Это ещё какая?

– Макс, ты должен меня понять. Я ведь девочка с неплохой внешностью...

– Пристают мужики? – догадываюсь я.

– Угу... – она тоже грустно улыбается. – А если я себе на роже шрам организую, ну чтоб отпугивал, Костя меня разлюбит...

Мы все понимаем, что это шутка, но Костик всё равно прижимает её к себе.

– Никогда... – полушёпотом обещает он и целует.

Голубки...

– Ну а отношения с другими? Коллектив-то как к тебе относится?

– Коллектив... Мне иногда кажется, что с какой-то опаской.

– Ты, случаем, никому не говорила, что это я тебя туда устроил? – спрашиваю и сам чувствую в своём голосе напряжение.

Ольга бледнеет.

– У меня однажды вырвалось, что если бы не ты, то не знаю, что бы и делала...

Это говорится почти шёпотом и со стеклянным взглядом. Дошло... Жаль, что поздно.

– Что ты натворила... – вырывается у меня. – Вот теперь и я не знаю, что делать.

Сказать, что я встревожен, – ничего не сказать. Ощущаю что-то вроде паники. Эта невинная фраза, произнесённая при бог знает каких свидетелях, может убить реально всё!

– Максим, а если она узнает, что тогда? – Костик, кажется, тоже проникся...

Молчу. Что я могу этим ботаникам сказать, когда сам ещё ничего не обдумал.

– Я же говорила, что я дура и малолетка! – и у Ольги слёзы.

– Ладно! Давайте успокоимся, – вздыхаю я. – Может, пронесёт. Ну а если не пронесёт, то будем решать проблемы по мере их поступления.

Едва Нина Васильевна приехала к нам в офис, как я прошу её отойти в сторонку.

– Ну как Ольга работает? – задаю вопрос, стараясь не показывать беспокойства.

– Вы знаете, Максим Петрович, претензий к ней нет. Явно очень старается, и, думаю, толк из неё выйдет.

– А как насчёт вкуса?

– С этим тоже всё хорошо. Повторяю: девочка сможет работать. Я уверена. Только скажите вашей протеже, чтобы она не очень распространялась, как ко мне попала. То есть что она – блатная. Не уверена, что вы хорошо представляете, что такое бабский коллектив.

При этих словах почему-то сразу вспоминаю, как Алла Ивановна тихонько наступила Нике о пробелах в моих знаниях, вместе того чтобы сказать мне это прямо.

– Хозяйка не любит, когда кто-то из блатных приходит без её на то разрешения, – между тем продолжает заведующая салоном. – Вы, наверно, не знаете, но Вероника Михайловна стричься ездит только к нам. Её всегда Лиза обслуживает. Это уже давно так повелось. Они чуть ли уже не подружки.

От услышанного моё беспокойство возрастает.

– А что, кто-то интересуется?

– Увы... Мне напрямую задали вопрос: не Максим ли Петрович попросил за новенькую.

– А вы?

– Пришлось резко ответить, что эти вопросы касаются только меня. Ну а что я ещё могла сказать?

– В случае чего у вас-то неприятностей не будет? – деликатно спрашиваю я.

– Не знаю. Вероника Михайловна, мне кажется, меня ценит, – теперь она смотрит на меня почти с укором.

– Нина Васильевна, скажу вам всё честно: Ольга – девочка сына Вероники Михайловны Кости. Мать, держа на расстоянии, достаточно жёстко контролирует его жизнь. Причём делает это не всегда... деликатно. Я с ним дружен и хотел им помочь, но не знаю, как она это воспримет. Мне наплевать на то, что про меня и хозяйку болтают на фирме, и это не то, что кто-то себе, наверно, уже нарисовал.

Взгляд заведующей салоном меняется.

– Что ж вы сразу-то мне не сказали...

– А что бы изменилось?

– Может, придумали бы что-то... Честно говоря, я тоже боюсь, что когда Вероника Михайловна приедет стричься, Лизка ей что-нибудь нашепчет. Она мастер высочайшего класса, но стерва редкостная.

День не задался с утра. Работаю с налоговой инспекторшей, которая нас проверяет. Хотя пока всё вроде бы и ничего, но всё-таки неудобно. Это первая такая процедура в моей бухгалтерской практике, и, естественно, волнуясь.

Чёрт! Ещё и телефон звонит...

– Максим Петрович, похоже, вас ждут большие неприятности, – напряжённым тоном сообщает мне Нина Васильевна. – Я уже своё получила.

– Что случилось? – рассеянно спрашиваю я, отрываясь от очередных бумаг, но тут до меня доходит. – Что, приезжала?

– Да. Здесь была Вероника Михайловна. Думаю, что Лиза всё ей изложила.

– Ну и что? – и чувствую, как меня начинает пробирать холодок от предчувствия грядущей сцены.

– Максим Петрович... Она вне себя! Я пыталась ей объяснить, что вы мне сказали, но она приказала мне замолчать и не вмешиваться, потом выскочила, прыгнула в машину и так рванула!..

М-да... Что-то меня теперь ждёт...

– А насчёт Ольги она что-нибудь говорила?

– Нет... Этих указаний я пока не получала.

– Простите меня, Нина Васильевна. Это я виноват во всём...

– Да ладно... Что уж теперь делать!

Дверь в помещение бухгалтерии не открывается, а распаивается. Поднимаю глаза – Ника с абсолютно белым лицом стоит в дверном проёме. Такой я её ещё не видел.

– Максим Петрович, прошу на выход! – фраза звучит, как удар бича.

Быстро соображаю, какой должна быть моя реакция на такое обращение. Конечно! Полное спокойствие. Ведь я ничего плохого не сделал и ничего из того, что произошло, не знаю, иначе опять подставлю Нину Васильевну.

Встаю, иду за хозяйкой и вслед за ней вхожу в комнату, куда мы забегаем попить кофе. Закрыв за нами дверь, она поворачивается ко мне. Ну и взгляд у неё... Одна ненависть!

– Что случилось? – задавая вопрос, я стараюсь быть спокойным, хотя внутри всё трясётся от волнения.

Ника молча смотрит на меня, и я вижу, как у неё вздрагивают ресницы.

– Значит, я не только тебя, но ещё и твоих девок кормить должна? – говорит она наконец.

– Каких девок? – продолжаю я делать вид, что не понимаю, но потом до меня якобы доходит. – Ты про Ольгу, что ли?

– Какая же ты, оказывается, сволочь... – устало произносит она. – Надо же было мне так... поверить.

И тут у меня наступает взрыв. Ясно, что стерва-парикмахерша Лиза нажужжала хозяйке все последние сплетни, а та, даже не подумав выяснить со мной правда ли всё это, безоговорочно их приняла. Когда-то смотрел старый, ещё советский, фильм. Там мужика тоже оболгал его приятель, а начальница поверила. «Служебный роман», кажется...

– Дура! – выкрикиваю я. – Это же девчонка твоего сына! Я хотел им помочь...

– Ещё и Костика приплёл, чтобы выкрутиться... Да какие у него могут быть девчонки! Ну и мразь же ты... – презрительно искривляются Никины губы и щурятся глаза. Она чеканит: – Пошёл вон!

Да... В фильме всё закончилось хорошо. Здесь так не будет! Этого уже и я не хочу. Мне казалось, если любит – значит, верит. Я верил. А она не верит.

Поворачиваюсь и выхожу, аккуратно закрыв за собой дверь.

В бухгалтерии молча сажусь за свой стол, беру чистый лист бумаги и пишу заявление по собственному желанию. Это действительно моё желание!

– Алла Ивановна, – обращаюсь я к теперь уже бывшей сотруднице, не обращая внимания на сидящую тут же инспекторшу, – я увольняюсь. Спасибо вам за помощь в освоении бухгалтерской науки.

– Максим Петрович... Погодите! – вскидывается она, но я уже так же аккуратно прикрываю за собой ещё одну дверь.

Заведующей салоном звоню уже с улицы.

– Нина Васильевна, меня хозяйка выгнала. Вернее, так со мной говорила, что я ушёл сам. Очень вас прошу, постарайтесь пока Ольгу не увольнять. Я надеюсь потом найти ей место.

– Ох... – раздаётся в трубке и... молчание. Наконец слышу её голос. – Максим Петрович, вы не волнуйтесь только. Думаю, вы напрасно хлопнули дверь. Может, можно было бы позже всё наладить...

– Нельзя! – перебиваю я её. – Я уже сам этого не хочу. А за Ольгу очень вас прошу.

* * *

Пришла беда – открывай ворота. Вал событий нарастает, как снежный ком.

«Голубкам» я, конечно, позвонил тем же вечером и рассказал про изменение своего статуса «белого воротничка» на прежний – работяги. Решение о возвращении к своей деятельности по сборке мебели я принял сразу, когда ехал домой, и даже позвонил в прежнюю фирму.

Сказали, что возьмут. Костик, узнав про происшедшие события, раздухарился и покатился к матушке выяснять отношения. Результатом стало снятие его, как говорят в армии, с довольствия и увольнение Ольги. Он сообщил мне об этом на следующий день.

В общем, бывшая моя пассия пошла в разнос...

За своими расчётными деньгами я решил в фирму не ездить, хотя Алла Ивановна мне позвонила и пригласила их получить. Может, я был неправ, но попросил её передать хозяйке, что в подачках не нуждаюсь. Стало совсем погано, и я несколько дней валялся на своём диване, тупо пялясь в телевизор, думал о бренности жизни и искал выхода из сложившегося положения, абсолютно честно отдавая себе отчёт в зависимости «голубков» от меня и моих поступков.

Вот сегодня решил к ним съездить.

Дверь мне открывает сам Костик.

– Привет! Как самочувствие? – интересуюсь я.

– А у тебя? – он пожимает мне руку.

– А что у меня? – под его взглядом я пытаюсь хорохориться, но не получается, и приходится признаваться: – Погано у меня. Чего уж тут радоваться.

– Оля, давай покормим Максима, да и сами поужинаем. Пойдём...

Неожиданно для меня Костик опускает руку на моё плечо и подталкивает на кухню. Раньше такого не бывало. Этот жест расслабляет.

– Здравствуй, Макс! Садись, где нравится, – давно освоившаяся с ролью хозяйки Ольга начинает суетиться, бросая в мою сторону сочувственные взгляды, и явно старается мне угодить.

Надо же... Который раз прихожу сюда, и каждый раз – как в родную семью. Приятно...

– Ну что, первое заседание клуба потерпевших считаю открытым, – опять я пытаюсь создать хоть какую-то весёлость, поскольку на всех лицах уныние. – Какие будут предложения по сложившейся ситуации? Что-нибудь делали кроме вон его подвигов? – и киваю на Костика. – Кстати, что она тебе сказала?

– Давай я не буду говорить? – бурчит он.

– Нет уж... Будь любезен, выкладывай!

– Ну, она сказала, что, мол, докатился до того, что стал защищать полное ничтожество. Это в твой адрес, конечно! Сказала, что мы с тобой снюхались, состоим в сговоре и совместно тянем из неё деньги...

– Ну мы-то с тобой давно в сговоре. Разве нет? – хмыкаю я. – Вот и Георгий Николаевич по нашему сговору приезжал сюда...

– Я ей стал говорить, что она неправа, про Олю стал говорить... А она... – он запинается. – А она назвала её матерным словом... И сказала, что выкинет её с работы. Короче, из-за этого мы и поругались. Я сказал, что она не смеет так называть Олю... Она закричала, чтобы я заткнулся, иначе сяду на собственную задницу. Ну а я ответил, что заработаю сам и в её деньгах не нуждаюсь. Вот... Потом хлопнул дверью и ушёл.

– Сильно хлопнул? – шутливо интересуюсь я. – А то, смотри, придётся ей меня вызывать для ремонта.

– Там дверь железная. Ты же знаешь... – бурчит Костик.

Оказывается, мы с ним чем-то похожи. Одни и те же реакции. Молча смотрю в тарелку. «Голубки» тоже молчат, будто ждут от меня чего-то. А от кого им ещё ждать? На кого ещё опереться в такой ситуации? Выходит, что только на меня. Больше не на кого... Именно об этом я думал все эти дни дома. Ну что ж... Точно, тяжела ты, шапка Мономаха!

– Понятно... В общем, так!.. Послушайте дядьку.

Оба поднимают на меня глаза.

– Ты, – смотрю на Костика, – небось, уже от большой радости, что от мамыши отпрыгнул, в своем медицинском появляться перестал?

Молча кивает.

– Плохо! Если выгонят, то тебя в сразу же армию загребут. Понимаешь меня?

Опять кивает. При этом Ольга бросает на него беспокойный взгляд.

– А если понимаешь, то прекращай прогулы! – жёстко почти приказываю я.

– Я куда-нибудь работать пойду... – бурчит он. – Жить-то надо на что-то.

– Работник... Учись пока. Дальше видно будет.

– А сам-то ты в армии служил?

– Служил. Да и в Политехе, где я учился, военная кафедра есть. Так что я – лейтенант запаса. Кстати, у тебя ведь в твоём университете тоже военная кафедра есть.

Костик вздыхает.

– Максим, а работать ты где собираешься? – подаёт голос Ольга.

– Снова мебель собирать пойду. Я уже договорился. Короче, не волнуйтесь – проживём!

– Ну ты-то проживёшь, а вот нам что делать? – спрашивает она осторожно. – Макс, поверь, я хоть посуду мыть где-нибудь готова!

Господи, как же повезло Костику!

– Я сказал «проживём», потому что про вас обоих все эти дни тоже думал. Понимаете, ребята, получается, что мы теперь в одной связке и я за вас отвечаю как старший, ну и как человек, из-за которого произошли многие события. Теперь скажу вам, чего я тут надумал. Рассказываю: получая весьма неплохие деньги, будучи главным бухгалтером, я стал копить на машину. Эти деньги у меня есть, и они – ваши. Мне они такие не нужны.

– Какие это – такие? – осторожно спрашивает Костик.

– Деньги, полученные от твоей матери, мне не нужны! – сам слыша металл в своём голосе, поясняю я. – Я из них буду привозить ежемесячно вам ту же сумму. И так будет, пока не найдутся другие варианты.

– Я этих денег от тебя не возьму! Это твои деньги! – возмущённо выкрикивает он.

– А вот это – совсем уже не по-дружески, – нахально ухмыляюсь я. – Придётся брать. И давай не будем обсуждать, тем более спорить. Насчёт тебя, Оля, я поговорю с твоей бывшей начальницей Ниной Васильевной – может, у неё найдутся какие-то связи в других местах.

– Ой, Макс... А ей опять неприятностей не будет? – тихонько спрашивает она. – Она ведь такая хорошая тётка...

– В любом случае я поговорю, а там уже видно будет.

* * *

Кажется, слово «метаморфоза» означает превращение. Влез в Интернет, проверил и оказался прав. Слава богу, значит, не полный дурак ещё...

Так вот, со мной произошла метаморфоза. И я полностью отдаю себе в этом отчёт. Я уже не тот, кем был прежде. Исчезла лёгкость восприятия происходящего вокруг, совсем не хочется, очертя голову, бросаться в какие-то приключения на любовном фронте, убаюкая таким образом тело. Груз ответственности за «голубков», кажется, сделал своё хорошее дело. Ответственность за других заставляет и думать, и жить по-другому.

Своё двадцативосьмилетие отметил в компании бутылки коньяка и своих мыслей. Никому, даже Костику с Ольгой, про это не сказал. Почему-то вдруг захотелось побыть в этот день один на один с собой. Честно говоря, где-то на уровне желудка ждал, что прозвучит один поздравительный звонок, но он не прозвучал... Позвонила мать и поздравила. Даже моя бывшая жена позвонила с поздравлением! А этого звонка не было. Ну и бог с ней!

Снова бегаю по адресам и собираю мебель. Не гнушаюсь чаевыми, ловя себя на том, что реально беспокоюсь о том времени, когда кончатся отложенные на машину деньги, а «голубкам» надо будет помогать. И ещё я беспокоюсь перед назначенной встречей с бывшей Ольгиной начальницей.

– Ну как у вас дела, Максим Петрович? – с ходу спрашивает Нина Васильевна, усаживаясь напротив меня за столик в кафе.

– Нормально! Работаю там же, где и работал раньше, – и я киваю на стоящий тут же рядом со столиком ящик с инструментом. – Мебель я собираю, Нина Васильевна, и, поверьте, делаю это хорошо. Ценят. Да и раньше ценили, даже отпускать не хотели, когда собрался в вашу фирму уходить. Взяли обратно с удовольствием.

– То есть вы не жалеете ни о чём?

Тон её вопроса почему-то заставляет меня вздрогнуть. Да и сам этот вопрос... Я его себе не задавал, по сути прикрываясь поисками выхода из сложившейся ситуации и для себя, и для Костика с Ольгой. Жалею ли я?

Нина Васильевна смотрит на меня и явно ждёт ответа на свой вопрос. Выдерживаю её взгляд, вздыхаю...

– Жалею, – может быть, с излишней жёсткостью говорю я и поясняю: – Я уже понял, что в жизни должны быть разочарования, ведь иначе опыта не набрать, но моё разочарование очень болезненно.

– Отдаю должное дипломатичности вашего ответа, – тонко усмехается она. – Вы и ответили, и не ответили.

– Хотите, отвечу недипломатично? – и, не дожидаясь её согласия, признаюсь: – Я полюбил. Первый раз в жизни полюбил по-настоящему. Полюбил женщину много старше себя. Полюбил не за богатство и влияние. Полюбил за её одиночество, и мне показалось, что могу помочь ей преодолеть это одиночество. Мне совершенно искренне хотелось помочь и ей, и её сыну, который до последнего времени страдал таким же одиночеством, пока не встретил Ольгу. Они любят друг друга!

Устав от откровений, замолкаю. Нина Васильевна продолжает смотреть на меня, и я, понимая это как поощрение, продолжаю.

– Даже несмотря на своё разочарование, поверьте, я не обиделся на весь свет. Константина с Ольгой я не брошу! Ведь Костя после моего рассказа поехал к матери для разбирательства и в результате тоже был снят с обеспечения. Я не брошу их и буду помогать, чем могу. Естественно, и деньгами.

– Понятно... – вздыхает моя слушательница. – Знала я, что Лизка – стерва, но не могла предположить, что она может наделать такой беды.

– Ничего. Мы все вместе, втроём, это преодолеем, – говорю я твёрдо. – Я попросил вас о встрече, чтобы, увы, опять попросить вашей помощи, если это возможно, – и спохватываюсь: – Вы-то как? Вас хозяйка сильно ругала?

– Понимаете, Максим Петрович...

– Называйте меня Максим. Я уже не служащий фирмы и вообще ещё очень молод. Простите, что перебил.

– Я хотела сказать, что хозяйка меня ценит. Мы слишком долго вместе работаем, и она знает мою квалификацию и меня как сотрудника. Мой плюс состоит в том, что за всю свою трудовую деятельность я никогда не сокращала дистанции в отношениях с начальством. Это уважают. Учтите на будущее! А о какой помощи вы хотели меня попросить?

– Я снова насчёт Ольги. Может, есть у вас какие-то знакомства?

Она задумывается.

– Сейчас не отвечу, но подумаю.

– Я буду ждать вашего звонка.

– Не беспокойтесь. Я умею держать своё слово. А вам, как... старший товарищ, – и мягко улыбается, – дам напутствие: старайтесь понимать не только себя, но и других людей тоже. Я уважаю и приветствую вашу позицию относительно сына и его девочки, но не уверена, что вы правы, оставив за собой пепел в отношениях с матерью. Я как жена, мать и теперь уже бабушка во многом не одобряю стиль жизни хозяйки, ведь всё это я уже наблюдаю более десяти лет. В последнее время в её поведении многое изменилось, и я понимаю вашу причастность к этим изменениям... Как женщина могу сказать, что в состоянии сильной обиды мы способны на необдуманные и зачастую крайние поступки. Подумайте об этом.

Провожая её до машины и смотря вслед. Сам потом иду на маршrutку.

Понятно, что моя бывшая подруга после всего услышанного от Лизы крайне обижена и даже возмущена моим якобы обманом, но она могла бы дать мне возможность не только объяснить свои действия, но и привести оправдывающие факты. Но нет! Хозяйка! А с хозяйкой все вокруг должны быть халдеями, которым непозволительно открывать рот без разрешения. Какая тут, к чёрту, любовь! Одна болтовня. Так что извините, Нина Васильевна, может, в каком-то другом случае вы были бы и правы, но не здесь. А здесь я повернулся спиной и не намерен разворачиваться. Смешно... А ведь действительно полюбил! Отдаю себе в этом полный отчёт и именно поэтому ощущаю, что мне не хватает Ники. Мог ли я раньше о таком подумать! Я ведь даже о своей бывшей семье не очень-то вспоминаю. А ведь там не только бывшая жена, к которой я скорее всего никогда ничего особенного не испытывал, но и моя маленькая дочка... Моя! А я к ним... никак. А вот про Нику вспоминаю постоянно.

Да, я вот такой! Смазливый бабий баловень, привыкший прыгать из одной койки в другую ради телесных наслаждений и смотрящий на противоположный пол исключительно как на предмет утоления плотских желаний. Но, наверно, всему приходит конец, и у меня пришёл конец такому восприятию мира. И вот так случилось: я влюбился, а вернее – полюбил! Интересно, а когда я понял, что это со мной произошло? Скорее всего, в поезде из Москвы в Питер. Именно тогда мне стало стыдно за свои московские приключения, когда я себя баюкал философией Влада, моего соседа по номеру в гостинице. Возможно, такой взгляд на отношения мужчины и женщины может иметь место, но с момента моего возвращения домой моё «я» было только с Никой. Оно было подчинено ей, и не как хозяйке мальчика по вызову, а именно любимой женщине, которой хочется служить для её удовольствия, а значит – спокойствия. Мне тогда очень хотелось, чтобы она была во мне уверена как в подлинной опоре. Многого мне тогда хотелось... А может, когда хочется чего-то, то это что-то и называется надеждой? Да, я надеялся, что то чувство, которое она ко мне испытывает, и есть любовь. Говорят, что любовь должна быть мудрой. Да где же её взять, эту мудрость, в мои годы? А в её? Ещё говорят, что любовь – это омут, в который бросаются с головой. Короче, много чего говорят, да только, как видно, у каждого любовь своя и своё её понимание.

А по поводу отношения ко мне Ники убеждён: если бы действительно любила – дала бы оправдать свои поступки и постаралась бы их понять. А если этого не случилось, значит, я при всех красивых словах в глубине её сознания оставался приятным мальчиком по вызову, а значит – вещью. Жаль...

* * *

Когда мне позвонил Георгий, я даже не удивился. Вернее, удивился, что он позвонил только через неделю после всех происшедших событий. Казалось бы, про увольнение главного бухгалтера фирмы ему как директору пансионата должны были сообщить сразу. Когда я об этом ему сказал, посмеялся и заметил, что старается использовать плюсы удалённого расположения для большей самостоятельности и по собственной инициативе выходить на связь

с центром без надобности не торопится. Выслушав мой рассказ, он какое-то время молчал, а потом сказал, что надо обязательно встретиться, и предложил приехать всей компанией к нему в выходные. Я спросил, не будет ли у него неприятностей от такого посещения, но Георгий снова посмеялся и успокоил, что это его не волнует. Не понял – то ли он уверен, что среди его людей нет тайных осведомителей, то ли просто не боится.

Ну что ж! Совершим сентябрьскую прогулку на природу.

Входим в кабинет директора пансионата втроём.

– Ну здравствуйте, товарищи потерпевшие! – с улыбкой приветствует он нас, вставая из-за стола.

Надо же... Назвал нас почти так же, как и я тогда, на Костиковой кухне.

Тепло здороваемся.

– Значит, так... Поскольку вы мои гости, сутки вы сможете жить здесь совершенно бесплатно, – объявляет нам Георгий. – Есть у меня две комнатухи для своих. Покормлю тоже бесплатно. Идёмте!

Располагаюсь в малюсенькой комнатке только с обычной кроватью, тумбочкой и стоящей в углу вешалкой с «рожками». «Голубкам» выделена комната побольше с двумя кроватями, но с таким же сервисом. Что ж, лично меня всё устраивает. Думаю, что и их тоже.

– Максим, вы, конечно, понимаете: что могу, то и делаю, – оправдывается, заходя ко мне, Георгий. – Предлагаю сейчас всем вместе пообедать и заодно поговорить. Не возражаете?

– Какие могут быть возражения! И так всё слишком здорово. Спасибо вам большое!

Мне очень приятна та теплота, с которой он нас встретил, и его искреннее желание принять участие в наших трудностях.

Нам накрыли в той же комнатке, в которой как-то в первое утро кормили меня, когда я тут был с хозяйкой на наших медовых каникулах.

– Ребята, вы не стесняйтесь! – поощряет радушный хозяин. – Налетайте! Кухня у нас хорошая.

– Я в курсе... – и усмехаюсь.

– В общем, Максим, рассказывайте, что произошло. Всё с самого начала. Может, что-нибудь вместе и сообразим.

– Да мы вообще-то уже кое-что и сами предприняли, – отвечаю я за всех на правах старшего и начинаю рассказ.

Пока я подчёркнуто спокойно излагаю все события, Георгий сосредоточенно помешивает ложкой в тарелке с ароматным борщом, ни разу не отправив её в рот.

– М-да... – наконец вздыхает он, когда я заканчиваю. – Весело...

– Георгий Николаевич, у вас, наверное, всё остыло! – вскакивает Ольга. – Давайте я в микроволновку поставлю!

Пока я рассказывал, ел только Костик, да и то как-то... еле-еле и с совершенно пустым взглядом, так что еда остыла у всех, но Ольгин порыв мне приятен.

– Спасибо, Оля... – благодарно кивает ей Георгий и поворачивается ко мне. – Максим, как вы думаете, какие перспективы у Нины Васильевны найти для Оли что-то подходящее? Я её мало знаю, правда, о её чисто человеческих качествах слышал лестные отзывы.

– Даже не знаю... Она ничего мне не пообещала, но сказала, что подумает.

– Понятно... Костя, а ты когда будешь готов встретиться с Михаилом?

– Да не знаю я... До Консерватории ли теперь? – бурчит Костик и почему-то краснеет.

– Костя! Ведь мы же с тобой говорили... – вмешивается Ольга, и я понимаю, что правильная агитация уже проводилась.

– Ну, может, на следующей неделе... – мямлит он.

Проходящий в такой вялой беседе обед закончился.

– Пойдёмте, я хочу Константину показать кое-что такое, что его наверняка заинтересует, – приглашает директор, и я понимаю, что он имеет в виду маленький зальчик, где стоит тоже маленький – говорят, он называется «кабинетный» – рояль.

Действительно, он ведёт нас именно туда.

– Ух ты... – при виде инструмента на лице Костика появляется такая редкая у него улыбка. Обернувшись к Георгию, он несмело спрашивает: – Можно?

– Нужно! Он недавно хорошо настроен. Я ведь сам иногда для желающих тут играю... Давай крышку подниму.

Первые звуки получаются несмелыми, и я понимаю, что идёт процесс привыкания. Наконец освоившись, пальцы уже шустро бегают по клавишам, и рояль теперь извергает мощные красивые звуки. Да... Это не пианино в квартире. Это даже я понимаю.

– Что тебе сыграть? – поворачивается Костик к Ольге.

– Шопена. Всё равно что! – полушёпотом просит она, хватая стул и садится рядом.

– Пойдёмте поговорим пока, – с улыбкой зовёт меня Георгий и, кивнув в сторону «голубков», добавляет: – Думаю, это надолго.

В кабинете, куда мы пришли, он, сначала запустив кофе-машину, делает нам по чашке этого напитка, садится напротив, долго молча смотрит на меня, только потом начинает говорить.

– Скажите, Максим, а надолго у вас хватит отложенных на машину денег?

– Где-то на четыре-пять месяцев. Вы не волнуйтесь! Я в любом случае их не брошу. Проживём! Может, к своей сборке мебели я ещё что-нибудь найду, например по бухгалтерской части. Повторяю – не брошу. Отвечаю я за них, за обоих!

– Ещё раз повторю: рад, что я в вас не ошибся. Очередное спасибо вам за Константина... – голос Георгия задумчив и почему-то чуть грустен. – Очень вас прошу – не дайте ему бросить университет! Армия его сломает. Хотя он по-мужски и заступился перед матерью, от которой зависит, за Олю, но это является только подтверждением его хрупкого романтизма. Поверьте, его будущее как пианиста целиком заключается в его романтическом восприятии окружающего мира.

– А как он станет музыкантом, если будет учиться в университете? – задаю я вопрос, который меня беспокоит.

– Знаете, Максим... Я скажу, возможно, странную вещь... Когда я услышал игру сегодняшнего Кости, то понял, что он УЖЕ музыкант. Помните, я вам говорил про его талант и что он поцелован Богом?

Киваю.

– Так вот... Он уже музыкант. Видимо, от своего одиночества, будучи влюблённым в музыку, Костя очень много времени проводил в самостоятельных занятиях и вкладывал в звуки всего себя со своими мыслями, проблемами, может, страданиями... Уверен, что он в этой области, если хотите, способен к самовоспитанию, к самостоятельной борьбе за совершенство. Его техника сейчас почти безупречна. Всё, что ему сейчас надо, – пройти всякую околмузыкальную лабуду, сдать её и забыть эти догмы. Педагог по инструменту, конечно, у него тоже должен быть, но тут нужен не обучающий, а только изредка подправляющий преподаватель. Человек, который почувствует его душу. Так, как когда-то великий пианист и педагог Нейгауз почувствовал в своём студенте, а потом тоже великом пианисте Рихтере его тонкую и ранимую душу. Повторяю: его обязательно должен послушать Михаил. Дело не в оценке достоинств. Я жду совета, каким путём Косте надо двигаться дальше, и помощи в таком продвижении. Давайте совместными усилиями преодолеем Костины сомнения и подтолкнём его к... прослушиванию.

– Георгий Николаевич, я не только согласен, но и готов делать всё, что для этого будет нужно.

– Спасибо... Спасибо вам! Теперь о вас... Если вы хотите где-то подработать бухгалтером, то я могу кое с кем поговорить о возможности привлечения бухгалтера-надомника с высшим экономическим образованием, – при этом он усмехается, видимо, вспомнив, как я когда-то ему представился. – Устроит вас такая дополнительная работа?

– Конечно! Я за время своего бухгалтерства постарался узнать в этой профессии побольше и даже создал у себя в ноутбуке библиотеку необходимых документов. Я буду очень стараться! – и вдруг признаюсь: – Вы знаете, когда ощущаешь на себе ответственность за других людей, на многое начинаешь смотреть по-другому.

– Максим, я очень надеюсь на вас относительно Кости и обязательно буду помогать. На меня вы можете рассчитывать. А теперь давайте вернёмся к ребятам.

Звуки рояля мы слышим ещё в коридоре, едва выйдя из кабинета.

– Третья баллада Шопена... – прислушивается Георгий и даже останавливается. – Удивительное прочтение. Шопен, и это абсолютно точно, – его композитор. Поверьте, чтобы играть Шопена, мало быть просто пианистом... Очень немногие способны его прочувствовать по настоящему.

Входим в зал. Ого! У Костика появились слушатели! Несколько стульев, стоящих у стен, заняты.

Финальные аккорды, и он заканчивает. Только сейчас сидевшие прежде неподвижно люди начинают ёрзать, шевелить ногами и руками... Такое впечатление, что во время звучания музыка не давала им этого делать.

– Простите, молодой человек, а вы не могли бы сыграть ещё и Первую балладу? – раздаётся голос из угла.

– Да-да... Я сейчас... – смущённо кивает Костик, а мы с Георгием одновременно поворачиваемся и смотрим туда. Попросивший – подчёркнуто подтянутый солидный пожилой мужчина, с седым ёжиком, одетый в дорогой спортивный костюм.

– Здравствуйте, Валерий Алексеевич! – подойдя, с улыбкой за руку приветствует его директор пансионата. – Рад вас снова видеть у нас.

Обращаю внимание на образовавшееся при этом на его лице сдержанное почтение. Причём это совсем не то выражение, с которым он когда-то встречал хозяйку. Искреннее!

– Вам понравилось исполнение?

– Я в полном восторге, – признаётся слушатель. – Такого Шопена я не слышал давно. Поздравляю вас, Георгий Николаевич, с отличным приобретением. Я думаю, ваша идея будет иметь успех. Ведь не все же сюда приезжают только для плотских утех!

– Это не то, о чём вы подумали. Это мой гость, а когда-то ученик. Его зовут Константин.

– Тогда дарю вам эту идею! – с воодушевлением продолжает мужчина. – Поверьте мне, гурману в области музыки, ваш ученик достоин больших залов. А по своей молодости он мог бы тут у вас заработать ещё и какую-то копеечку. Я серьёзно говорю. Организуйте!

– Гм... – по лицу Георгия видно, что для него такой вариант явился совершенной неожиданностью. – Субботние вечерние концерты для желающих?

– Ну что-то вроде того, – и Валерий Алексеевич сразу берёт быка за рога: – Константин, вас устраивает такая возможность заработать?

– Да... – краснеет Костик, бросает взгляд на бывшего учителя, а потом косится на восторженно улыбающуюся Ольгу. – Я бы с удовольствием...

– Вот, видите, Георгий Николаевич! Всё зависит от вас. Считайте, что первый преданный слушатель у вас уже есть. А теперь, Костя, всё-таки сыграйте, пожалуйста, Первую балладу. Признаюсь, мне очень интересно, как вы её чувствуете. Именно чувствуете! Послушав Третью, я понял, что у вас совершенно особое восприятие Шопена.

Звуки рояля вновь наполняют весь объём помещения. Мы с Георгием тоже тихонько садимся на свободные стулья. Но на эту музыку в маленький зал не заходит, а именно заваливается группа парней наглого вида и явно уже разогретых алкоголем.

– Братва, сейчас тут будет развлекуха, – громко заявляет один из них и командует: – Эй ты! Прекрати тренькать и сбациай нам что-нибудь весёленькое! Я плачу!

Костик, прервав игру, растерянно смотрит на эту компанию, явно не зная, что делать. Директор болезненно морщится и встает. С решительным видом встает и сидящая рядом с роялем Ольга. Она что, защищать его собирается?

– Ну-ка пошёл вон отсюда! – раздаётся в это время спокойный голос из угла.

– Чего-о?.. – нагло произносит тот же. – Это ещё кто там? Дядя, ты на кого...

– Я сказал: вон отсюда! И чтобы я тебя и твоих дружков больше здесь не видел, – так же спокойно повторяет Валерий Алексеевич, вставая и делая несколько шагов к пьяным.

– Ой... Пардон... – возмутитель спокойствия ошарашенно хлопает глазами. – Мужики, давайте отсюда! Уходим... Пошли, пошли!..

Компания, часто оглядываясь, поспешно выкатывается за двери, а спаситель положения, вздохнув, подходит сзади к сидящему Костику, кладёт ему руки на плечи и слегка наклоняется.

– Костя... Если не трудно, пожалуйста, начните сначала.

Георгий, облегчённо вздохнув, садится. Мы переглядываемся, и он едва заметным кивком в сторону Валерия Алексеевича даёт понять, что, если бы не влияние этого человека, всё могло бы обернуться очень плохо.

* * *

– А кто такой этот Валерий Алексеевич? Он так спокойно выставил эту команду! – интересуюсь я, когда импровизированный концерт заканчивается и мы с Георгием, оставив персону пообщаться с Костиком, выходим в коридор.

– Не поверите... Сам до конца не знаю. Как вы понимаете, у нас не принято интересоваться подноготной постояльцев. Сейчас всё-таки не советские времена, когда везде анкеты требовали. Однажды, пару лет назад, сюда приехал один человек и снял апартаменты на третьем этаже. Это над теми, в которых вы с хозяйкой размещались. Он встретился со мной и предупредил, что приедет важный господин, которого надо всячески облизывать. Вы, наверно, помните это выражение из голливудского фильма «Красотка»?

Утвердительно киваю.

– Потом приехал Валерий Алексеевич со спутницей. Выполняя указание, их начали «облизывать». Но на второй день он зашёл в мой кабинет и попросил дать команду, чтобы к ним отношение было таким же, как и к остальным отдыхающим здесь. Я тогда рассказал про полученное задание. Он посмеялся, сказав, что халдеи, как всегда, перестарались, и что не любит выделяться.

– Так и сказал – халдеи? – интересуюсь я, поскольку про себя любителей вылизывать задницы начальству называю именно так.

– Именно так и сказал. А почему вы спросили?

– Это моё любимое словечко для таких людей.

– Приятно, что у вас одинаковые оценки. В общем, вот так я и познакомился с этим человеком. Должен сказать, что, когда я играю джазовые композиции из своего прошлого, он всегда приходит послушать. Всегда спрашивает, в какое время это будет происходить, и всё другое откладывает.

– Интересно, почему эта пьяная команда его так испугалась.

– Есть данные, – директор хитро усмехается, – что мой уважаемый гость – один из генералов питерского МВД. В общем, похоже. Вполне вероятно, что эта публика могла его когда-то видеть.

– По-моему, он вдохновил Костю.

– Мне тоже так показалось. А Оля-то!.. Видели? Думаю, она была готова порвать эту компанию, – смеётся Георгий.

– Георгий Николаевич, можно вас на минутку? – раздаётся сзади голос Валерия Алексеевича. Оборачиваемся. Он подходит. – Извините, если я помешал... Мы с Константином немного поговорили о музыке, и я понял, что это очень, очень интересный парень. В общем, я предложил ему сегодня вечером дать небольшой концерт, где-нибудь на час. За вас, между прочим, поработал! – он весело щурится. – Возражений у администрации не будет?

– Конечно же, не будет! Спасибо вам за Костю.

– Тогда с вас афиша, а я даже готов сказать, если можно так выразиться, вступительное слово.

– Вы хотите сказать, что уже есть и программа? – удивляется директор.

– Есть! Честно говоря, я просил, чтобы это обязательно были все четыре баллады Шопена и несколько вальсов. Ну а на бис что-нибудь ещё...

– Думаете, будет и бис? – усмехается Георгий.

– Обещаю, что будет, – в свою очередь усмехается Валерий Алексеевич. – Поговорил я с парнем, в глаза ему заглянул и решил поддержать. Вы возражаете?

– Ну что вы! Это же бывший мой ученик. Так что я пошёл организовывать афишу. Какая, вы сказали, программа? Четыре баллады и вальсы?

– Именно так. Заказывал лично.

– Принято! Обещаю, что всё будет в лучшем виде.

– Только, Георгий Николаевич, подумайте, как парню это можно будет оплатить. Я немного с ними поговорил и понял, что эти деньги ему будут совсем не лишними.

– Увы... Ладно, что-нибудь придумаю.

– Официально вы ему заплатить не сможете, – вмешиваюсь я, – это я вам как бывший бухгалтер фирмы говорю. Что бы вы ни придумали, в любом случае его мамаша прочтёт в ведомости свою фамилию, и что потом?

Обращаю внимание, что Валерий Алексеевич внимательно смотрит на меня.

– Вы считаете, что есть трудности? – это он наконец обратился прямо ко мне.

– Есть, – и решаю сказать всё сразу и как можно короче. – Его мать – хозяйка этого пансионата. А у них между собой серьёзные проблемы.

Ловлю быстрый и тревожный взгляд Георгия, а потом уже заинтересованный нашего неожиданного помощника.

– Ладно! – решает он. – Я знаю, как поступить, по крайней мере сегодня.

Не знаю, что повлияло – афиша или ещё и дополнительная агитация, но желающих послушать Костика собралось много. Свободных стульев в зале не было, кто-то даже стоял. Очевидно, это подействовало на исполнителя. Я сидел так, что мне были видны его глаза на очень бледном лице, и действительно... Всё как когда-то говорил Георгий. Там были и страдания, и радость, и полёт... Уверен, что всех нас, сидящих в этом маленьком зальчике, он просто не видел, да и вообще забыл о нашем присутствии. Для него в тот момент существовали только те переживания, которые его наполняли, и те звуки, которые рождались под его пальцами. Закончив и услышав аплодисменты в свой адрес, он, видно, не сразу понял, что происходит, какое-то время продолжал сидеть, а потом, будто очнувшись, встал и с растерянной улыбкой то ли кланялся, то ли кивал. Как и ожидалось, сам Валерий Алексеевич сначала крикнул:

«Бис!» – а потом уже, понизив голос, попросил сыграть одну из, кажется, мазурок. Я в этом, к сожалению, не разбираюсь.

Потом, уже после биса, случилось неожиданное: Валерий Алексеевич громко обратился к слушателям. Он встал, вынул из кармана обычный полиэтиленовый мешок, открыл его, пристроил на клавиатуру и предложил тем, кому выступление молодого пианиста понравилось, положить в качестве благодарности в него какие-то деньги. Всё равно какие. При этом, бросив взгляд в сторону директора, пообещал, что на следующий раз будут уже настоящие билеты. Народ откликнулся, и потом этот мешок вместе с содержимым был торжественно передан Костику, который от смущения не знал, куда девать глаза, и, многократно повторяя «спасибо», всё пытался кому-то пожимать руки.

– Максим, Валерий Алексеевич приглашает нас всех с ним поужинать, – сообщает, заходя ко мне в комнату, директор пансионата.

– Он скорее приглашает вас и Костю с Олей, – бурчу недовольно, поскольку уже понял, что сам я интереса для персоны не представляю. Да и не надо мне этого! Не хочу быть приглашённым, как это говорится, паровозом.

– Вы неправы, – мягко возражает Георгий. – Он приглашает и вас тоже. Мы с Костей рассказали ему о вашей роли во всех событиях.

– Что, всё рассказали?

Наверно в моём тоне слишком много беспокойства, потому что ответом мне служит виноватая улыбка.

– Извините, но пришлось рассказать всё. Валерий Алексеевич весьма заинтересовался Костей, стал расспрашивать про его трудности с матерью... Из-за чего всё случилось... Ну и нам пришлось, как у них говорится, расколоться. Кстати, он действительно из органов, а тот забулдыга, приведший компанию, – его непутёвый племянничек. В общем, думаю, он вас заважал. Это правильно, потому что оправдано.

Последнее говорится совершенно серьёзным тоном, что примиряет меня с прозвучавшим приглашением.

На этот раз нас всех позвали в один из отдельных кабинетов, оборудованных в ресторане пансионата.

На столе минимум алкоголя в виде двух бутылок хорошего сухого вина, и это радует. Не хватало ещё, чтобы Костик на радостях набрался. Несмотря на присутствие директора, хозяином за столом явно является сам организатор встречи. Вначале он сказал много тёплых слов о молодом пианисте и предложил выпить за его удачный дебют. При этом молодой пианист настолько засмутился, что даже поперхнулся, и Ольге пришлось пошлёпать его ладошкой по спине.

Странно, но за столом возникла в полном смысле расхожего понятия тёплая и дружественная обстановка. Валерий Алексеевич совершенно непринуждённо, как со старым приятелем, обсуждает с Георгием его джазовое музицирование. Мы, молодняк, почтительно слушаем, но нет ощущения авторитетного давления со стороны персоны. Всё совершенно запросто, и это подкупает.

– Максим, как мне доложили, – при этом хозяин стола странно улыбается, – вы взяли своеобразное шефство над Константином и Олей. Это достойно уважения, тем более в сложившихся у всех вас обстоятельствах.

Теперь настает очередь смущаться и мне.

– Ну а что ещё делать... – бормочу я и добавляю. – Старшие отвечают за младших.

– И это правильно! Только при этом старшие не должны забывать и о своём развитии. Мне тут Георгий Николаевич рассказал, что вам пришлось вернуться к прежней профессии, а ведь у вас высшее образование! Это должно обязывать.

– Пока что надо выживать. Развиваться буду потом, – отрезаю неожиданно сам для себя. – Сейчас главное, чтобы Костю всё-таки прослушал преподаватель Консерватории.

Тёплый поощряющий взгляд служит мне наградой, и я продолжаю.

– Я, конечно, в такой музыке – профан, но и то понимаю, что ему надо идти дальше. Главное, чтобы он сам собрался.

– Мне кажется, что мы с Костей на эту тему договорились. А вы, пройдя в своём развитии мимо такого вида искусства, мне кажется, себя серьёзно обделили.

Костик, как обычно и очень знакомо, молча кивает, ведь пока разговор идёт только со мной, все остальные почтительно молчат. Мне непонятно значение его кивания: с чем он согласен – с прослушиванием или с тем, что я себя обделил.

– Есть ещё одна проблема, – я решаюсь сказать о том, о чём говорил в Костиковой квартире. – Сможет ли он одновременно учиться в двух местах. Это если его примут в Консерваторию...

– А зачем в двух-то?

Такой вопрос показывает мне, на сколько человек в годах далёк от проблем людей моего возраста.

– Армия! Если он уйдёт из своего медицинского, его сразу же заберут. А там есть военная кафедра.

– Понятно... Признаюсь, эта трудность для меня явилась неожиданной... Надо подумать.

Вот так. Подтверждение моих мыслей!

– Вы, Максим, сказали, что отвечаете за младших... – Валерий Алексеевич задумчиво смотрит на ополовиненный бокал с вином, поворачивая его в руке туда-сюда и бросая на меня короткие взгляды. – Как я уже понял по вашим действиям, о которых мне рассказал, и вы его простите, Георгий Николаевич, это совсем не слова. Повторяю: это достойно уважения... Познакомившись сегодня с Костей, я испытываю к вам чувство благодарности за то, что не даёте пропасть талантливому парню. Вам, Костя, повезло... Да... Выясняется, что богатая и успешная мама – это ещё не предел мечтаний...

У меня складывается впечатление, что он, проговаривая все эти фразы, непрерывно о чём-то думает, но пока ещё не решил: обнародовать это или нет.

Решаю восстановить справедливость.

– Кому из нас повело, это ещё надо посмотреть. Скажу честно: многое пересмотреть в отношении к окружающим людям меня заставили наши с ним беседы, – и усмехаюсь, кивая в сторону «талантливого парня». – Так что я тоже в выигрыше.

Снова ловлю такой приятный поощряющий взгляд. Меня оценили!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.